
ДИПЛОМАТИЯ И ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ СЛУЖБА СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

НКВД в системе органов Советского государства

Анализируя советскую дипломатию в годы войны, следует исходить из того, что она воплощала в жизнь внешнюю политику государства, а не олицетворяла ее. Ее главными задачами являлись поддержка дипломатических сношений с другими государствами и международными объединениями, проведение переговоров, подписание международных договоров и прочее.

В соответствии с утвердившимся в современной международно-политической науке определением дипломатию следует рассматривать прежде всего как организационно-политический механизм реализации внешнеполитического курса государства, совокупность правительственных и неправительственных институтов, которые определяют набор несиловых инструментов, приемов и средств, используемых нацией для защиты своих интересов в международных отношениях¹.

Для объективной характеристики внешней политики важно выявить место дипломатии и включенного в нее института дипломатической службы² в сложившейся в годы Великой Отечественной войны системе государственных органов СССР.

Война стала событием, подвергшим проверке на прочность и способность к слаженной работе весь советский государственный аппарат. С началом войны потребовались незамедлительная реорганизация органов управления всех уровней, перераспределение кадровых ресурсов и материальных средств. Система органов государственного управления мирного времени не позволяла осуществлять принятие решений с должной оперативностью. Война изменила задачи внешней политики, потребовала значительной корректировки форм дипломатической активности. Как внешние, так и внутренние функции государственного аппарата в годы войны оказались сосредоточены на мобилизации всех ресурсов для сохранения суверенитета и целостности государства, на идеологическом, морально-политическом обеспечении успешной освободительной войны, победы над врагом. Выдвинутый в первые дни войны лозунг «Всё для фронта, всё для победы!» отражал массовые настроения советских людей. Важной задачей дипломатии военного времени было привлечение внешних

союзников, обращение к международному общественному мнению, мировым рабочему и коммунистическому движениям.

Роль дипломатии и эффективной деятельности дипломатической службы в условиях войны не ослабевала. Потенциал дипломатии, как не раз в нашей истории, оказался особенно востребованным в трудные времена. Взаимодействие с другими государствами, удержание их в нейтральном статусе и поиск новых союзников, обеспечение связей с соратниками по общей борьбе с агрессором приобретали жизненно важное для страны значение. Народному комиссариату иностранных дел (НКВД) СССР требовалось поддерживать в рабочем состоянии множество организационных структур, в том числе представительств и консульств за рубежом, связь с которыми в условиях войны была затруднена. Дипломатическая деятельность в годы войны помимо обычной для ведомства работы включала вопросы организации военного сотрудничества, разведки, продвижения новых государственных торгово-экономических интересов, сопровождения крупных проектов военных поставок, пропаганды и контрпропаганды, а также целый ряд других, не всегда востребованных в условиях мира функций.

Вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз потребовало отказа от обычных форм управления, перехода к его мобилизационной модели, основы которой уже были сформированы в годы первых пятилеток. Государственному аппарату предстояло обеспечить управляемость страной, мобилизовать население на борьбу с угрозой оккупации, организовать работу индустриального комплекса в условиях эвакуации для обеспечения фронта вооружением и боеприпасами.

В условиях военного времени произошла существенная перестройка государственного аппарата. Необходимость концентрации всех сил и ресурсов ведомств, подведомственных учреждений для направления их работы на ослабление врага в условиях Великой Отечественной войны привела к ускоренной централизации государственного управления. Вся полнота власти была сосредоточена в Государственном Комитете Обороны (ГКО) — новом чрезвычайном органе власти, не предусмотренном Конституцией СССР 1936 г. ГКО был наделен неограниченными полномочиями, его постановления имели силу законов военного времени, а во главе его стоял И. В. Сталин. Вместе с тем созданные в 1941 г. чрезвычайные органы власти и управления были изначально объявлены временными³. Они не имели собственного большого штата сотрудников, опирались на аппарат конституционных органов, действуя через партийные, государственные структуры и общественные организации. ГКО был образован 30 июля 1941 г. специальным Постановлением Президиума Верховного Совета СССР, союзного Совнаркома и ЦК ВКП(б)⁴.

Важным обстоятельством является то, что конституционные органы власти в СССР в годы войны не были упразднены. Для мирового сообщества их существование являлось важным атрибутом Советского государства, поскольку их представители осуществляли межгосударственные контакты. Для процесса принятия внешнеполитических решений и легитимации международных соглашений, заключенных Советским Союзом, имело значение то, что высшим органом власти оставался Верховный Совет СССР. В годы войны Президиум Верховного Совета СССР продолжал принимать важнейшие правовые акты, в том числе о ратификации международных договоров, связанных с войной и ее завершением⁵. В его полномочия входило создание органов исполнительной власти, в частности Совета народных комиссаров (СНК) СССР, который являлся другим важным конституционным центром оперативного принятия внешнеполитических решений.

В свою очередь, СНК был лишен законодательных прав и мог издавать только подзаконные акты. Входившие в его состав наркоматы делились на три категории: общесоюзные, союзно-республиканские и республиканские. СНК СССР в годы Великой Отечественной войны работал в непосредственном контакте с ГКО. В рамках СНК осуществлялось руководство внешними сношениями, обеспечивалось межведомственное координирование работы всех наркоматов, так или иначе связанных с внешней политикой, торговлей, финансами, доставкой и распределением помощи из-за рубежа.

НКВД СССР, относившийся к категории общесоюзных наркоматов, стал играть существенно более значительную роль, чем в мирное время. Являясь структурой исполнительной ветви власти, НКВД оставался одним из основных конституционных органов внешних сношений. Руководитель Народного комиссариата иностранных дел, как и главы других ведомств Советского Союза, председатели комитетов и комиссий, утверждался Верховным Советом СССР.

В предвоенный период роль центральных органов власти и управления усиливалась не только в СССР. Мир к началу Второй мировой войны изменился. Мировой экономический кризис конца 1920-х — начала 1930-х гг., а также гонка вооружений накануне и в годы войны привели к значительному усилению роли государственного регулирования в экономической сфере. В большинстве развитых стран масштабы огосударствления экономики намного превосходили уровень периода Первой мировой войны⁶. Созданная в предвоенное десятилетие в СССР строго централизованная система управления экономикой, базировавшаяся на государственной собственности, позволила быстро сосредоточить все ресурсы на военном производстве.

В годы войны прошли проверку на эффективность базовые социалистические принципы управления страной. Действовавший основной закон страны закрепил положение коммунистической партии, определив ее ключевую роль в системе советского государственного управления⁷. Партия оставалась ядром системы власти и инструментом управления страной, упрочив этот статус в военное время. Значительно усилилась сцепка партийного и государственного руководства. Проведенная в 1930-е гг. работа по «чистке» партийных рядов и увеличению их численности способствовала расширению возможностей низовых партийных организаций. Осуществление принципа партийности в управлении страной происходило через подбор, воспитание и расстановку партийными органами кадров, связанных с организацией и руководством людьми⁸. Механизм отбора и проверки управленческих кадров действовал при введении категории номенклатуры для сколько-нибудь важных должностей в государственном аппарате, которые рассматривались и утверждались партийными комитетами⁹. И. В. Сталин требовал «каждого работника изучать по косточкам»¹⁰ с точки зрения происхождения и социальной принадлежности.

НКВД не был исключением в этом отношении. Дипломатическая служба как специализированное ведомство внешних сношений в государственной исполнительной власти, реализовывавшее внешнюю политику, всегда занимала особое место в системе государственных институтов¹¹. В советское время она, как и все прочие управленческие структуры, была полностью подчинена партийному руководству, нацелена на защиту классовых интересов трудящихся. Внешняя политика социалистического государства строилась с учетом политических задач, она «была пронизана идеологией только одного из социальных классов»¹². Как и внутренняя, она определялась на съездах партии, пленумах ее Центрального комитета и затем осуществлялась государственными органами. В силу своего особого положения в иерархии органов управления ВКП(б) монопольно определяла государственный курс, а партийные документы носили нормативный характер, содержали административные предписания. И. В. Сталин определял единолично как персональный состав высшего эшелона управления, так и принципы государственной службы¹³, но не занимал государственных постов вплоть до 6 мая 1941 г.

В годы Великой Отечественной войны в ЦК партии появился Отдел международной информации. Его создали после расформирования в 1943 г. Коминтерна. Во главе был поставлен А. С. Щербаков, затем его сменил Георгий Димитров. Партийный контроль над дипломатической службой стал непреложным правилом, хотя уже с конца 1920-х гг. в СССР действовала практика согласовывать на Политбюро ВКП(б) любые тексты документов, директивы советским делегациям на международных переговорах и важные заявления дипломатов. Даже дипломатическая переписка с другими странами должна была получать одобрение партийного руководства.

Обсуждение текущих вопросов, в том числе связанных с дипломатической работой, заменялось иногда рассылкой опросных листов, телефонными звонками, по результатам которых утверждались важные документы. Для обсуждения конкретных внешнеполитических вопросов создавались комиссии Политбюро, где руководители НКВД порой оказывались лишь рядовыми членами. Перед войной внешнеполитические вопросы в Политбюро, по сути, решали Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И. В. Сталин и Председатель СНК СССР В. М. Молотов, которые вникали во все серьезные вопросы и направляли деятельность наркомов. В сложные предвоенные годы, когда внешняя политика СССР претерпевала смену курса, оставаясь в своей должности главы советского правительства, В. М. Молотов был одновременно назначен народным комиссаром иностранных дел и руководил НКВД с мая 1939 г. по 1946 г.¹⁴ С осени 1939 г., после начала Второй мировой войны, И. В. Сталин продолжал активно заниматься внешней политикой. В мае 1941 г. В. М. Молотова освободили от обязанностей главы правительства, а председателем Совнаркома по решению Политбюро от 4 мая 1941 г. стал И. В. Сталин. Этот шаг обычно объясняют тем, что в условиях войны в Европе, будучи только лидером партии, он, с протокольной точки зрения, оставался для зарубежных партнеров фигурой, не облаченной властными полномочиями в государстве. Первым заместителем И. В. Сталина в партии стал А. А. Жданов, а в правительстве — бывший руководитель Госплана, профессиональный экономист, доктор экономических наук Н. А. Вознесенский, которому одновременно поручили руководить Советом по оборонной промышленности. 19 июля 1941 г. И. В. Сталин занял пост руководителя Народного комиссариата обороны СССР, а 8 августа того же года стал Верховным главнокомандующим Вооруженными силами СССР.

В январе 1944 г. на пленуме ЦК ВКП(б) был одобрен закон «О предоставлении союзным республикам полномочий в области внешних сношений и о преобразовании в связи с этим НКВД из союзного в союзно-республиканский народный комиссариат». Принятый Верховным Советом СССР 1 февраля 1944 г. закон и последующие изменения, внесенные в основной закон страны, предоставили республикам право внешних сношений. Соответственно, НКВД и Народный комиссариат обороны были преобразованы, утратив статус союзных комиссариатов. Это решение было принято почти за год до учреждения ООН и направлено на формализацию прав союзных республик, которым впредь разрешалось вести собственную внешнюю политику.

Субъектами международного права были признаны только Украина и Белоруссия. Они вместе с представителями союзной власти приняли участие в апреле 1945 г. в международной конференции в Сан-Франциско, где была создана ООН. Наряду с другими странами они стали ее учредителями и активными участниками. УССР избиралась непостоянным членом Совета Безопасности, Экономического и Социального совета ООН, участвовала в работе ЮНЕСКО и других международных организаций. Обе республики вступили в двусторонние отношения с соседними странами. Украина подписала с Польшей в сентябре 1944 г. соглашение о взаимном обмене населением. Позже от имени СССР и УССР были заключены международные договоры, конвенции и соглашения с Польшей, Чехословакией, Венгрией, которые устанавливали режим государственных границ.

Остальные союзные республики не реализовали свои возможности по развитию международной деятельности. Деятельность созданных во всех республиках комиссариатов иностранных дел носила номинальный характер. Некоторые из них не имели специальных зданий и размещались в отдельных кабинетах при республиканских правительствах. Сотрудники республиканских наркоматов иностранных дел вводились в составы общесоюзных делегаций, направлявшихся за границу с визитами по различным поводам.

Следует отметить, что в различные периоды истории дипломатия нашей страны оставалась важным способом обеспечения ее государственных интересов. Особенностью отечественной дипломатической службы всегда оставалась нацеленность на обеспечение суверенности и целостности страны, наращивание внешнеполитических возможностей государства.

В целом задачи и средства, использовавшиеся советской дипломатией накануне и в годы Второй мировой войны, соответствовали господствовавшим в то время принципам и нормам международной жизни. Героическая борьба советского народа и его вооруженных сил против блока агрессоров сделали Советское государство поистине одной из крупнейших мировых держав — мир узнал армию-освободительницу¹⁵. Были определены геополитические ориентиры, созданы биполярные внешнеполитические комбинации, предпринятые для реализации геополитических целей, выработаны дипломатические средства, которыми все это могло быть подкреплено.

В начале Второй мировой войны советская дипломатическая служба оформилась в традиционный для любого государства аппарат, предназначенный реализовывать внешнеполитические интересы государства. К этому времени НКВД заметно укрепил свой правовой и социально-политический статус. Ликвидация дипломатической изоляции первых лет существования Советского государства требовала постоянного наращивания его международной дипломатической активности. Успешно прошедшая полоса дипломатических признаний, установление официальных отношений с ведущими странами мира, определявшими главные направления мировой политики тех лет, позволили сформировать в советской внешней политике собственные концептуальные подходы.

На тот момент СССР был уже прочно включен в систему международных связей. Появилась новая плеяда дипломатических кадров, проявивших себя на заграничной работе и в управленческом аппарате, получивших опыт работы в Лиге Наций (хотя СССР и был исключен из нее в 1939 г.), активно участвовавших в целом ряде предвоенных международных конференций.

Под влиянием необходимости органично воспринять общепринятые международные дипломатические обычаи и регламенты российская дипломатическая традиция, прерванная в 1917 г., была возрождена и смогла по-своему обогатить мировой опыт. Постепенно ушла на второй план прежняя, опиравшаяся на идеологические догмы и классовый подход ориентация советской внешней политики, проводимой в условиях враждебного окружения. Она продолжала существовать на словах, но все чаще на деле ее заменяли соображения реальной политики, прагматического решения насущных задач государства на мировой арене.

Усиливавшееся на рубеже 1930–1940-х гг. соперничество стран германского блока и государств, занимавших ведущие позиции в рамках Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, прежде всего Великобритании и Франции, а также США, заставляло советское руководство проявлять особую бдительность. Это было насущной потребностью, продиктованной тенденциями международной обстановки, очевидным сползанием мира в очередную мировую войну. Искусство дипломатии заключалось в выделении на каждом новом этапе смены расстановки сил в мире предполагаемого нового противника. Этим искусством молодая советская дипломатия вполне владела.

Внешнеполитическое положение нашей страны перед нападением фашистской Германии 22 июня 1941 г. было сложным. Перед советской дипломатией стоял целый комплекс непростых задач. Народный комиссариат иностранных дел СССР должен был так выстраивать свою работу, чтобы обеспечить руководству страны максимальную свободу для внешнеполитического маневрирования. Новые направления внешнеполитического курса и дальнейшее усложнение международной обстановки, изменение расстановки сил в мировой политике потребовали реорганизации работы советского внешнеполитического ведомства, которому предстояло вести каждодневную работу в условиях военного времени, круг решавшихся вопросов постоянно расширялся, а нужные для работы ресурсы комиссариата сокращались.

Работники НКВД в полной мере ощутили на себе превращение страны в единый военный лагерь. В июне 1941 г. в связи с резким обострением международной обстановки был подписан указ Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении», жестко регламентировавший деятельность всех советских учреждений. Сотрудники государственных и партийных органов должны были крепить общественную, государственную, военную и трудовую дисциплину, мобилизовать все силы на разгром фашизма. С началом войны многие наркоматы, в том числе НКВД, перешли на круглосуточный режим работы¹⁶. Значительно

возросла потребность в том, чтобы оперативно ориентировать посольства и консульства на деятельность в новой обстановке.

Численный состав НКВД уменьшился после того, как 22 июня 1941 г. в соответствии с мобилизационным планом был объявлен призыв военнообязанных. В начале июля 1941 г. ГКО санкционировал создание дивизий народного ополчения. Работа аппарата НКВД оказалась чрезвычайно затруднена, поскольку движимые патриотическими чувствами практически все молодые сотрудники записались в народное ополчение или ушли на фронт добровольцами, а оставшиеся порой находились на рабочих местах сутками¹⁷. Когда участились налеты вражеской авиации на Москву, дипломаты после напряженной работы в наркомате ночами дежурили, охраняя служебное здание от зажигательных бомб. Служащие НКВД вместе с другими москвичами участвовали в сооружении противотанковых рвов вокруг столицы. По воспоминаниям ветеранов, многие сотрудники стали донорами, регулярно сдавали кровь для раненых¹⁸.

НКВД был одним из подразделений советского правительства. Его работа строилась в предвоенные годы по принципу твердой централизации. Это положение стало еще более явным с началом Великой Отечественной войны. Прямой контроль над дипломатической службой со стороны военно-политического руководства страны осуществлялся на протяжении всей войны. И. В. Сталин не только определял направления внешней политики страны, но и, опираясь на принцип партийности в кадровой работе, стремился контролировать ведомственные вопросы НКВД, «с постоянным вниманием относился к внешнеполитическим делам, деятельности советской дипломатии»¹⁹.

Бесменным советским наркомом иностранных дел во время войны являлся В. М. Молотов. Ближайший соратник И. В. Сталина он был одним из самых авторитетных советских политиков. До войны в Кремле, на втором этаже здания правительства работали две приемные В. М. Молотова, обслуживавших аппараты обоих возглавляемых им учреждений²⁰. Документы в здание НКВД на Кузнецком Мосту несколько раз в день возили сотрудники центрального аппарата. Вместе с ним до августа 1943 г. на время эвакуации НКВД из Москвы там же трудились секретариат наркомата из 7–8 человек во главе с Б. Ф. Подчеробом и небольшая группа дипломатов. Помимо В. И. Ерофеева помощниками наркома работали В. М. Бережков, В. Н. Павлов, С. А. Афанасьев, О. А. Трояновский²¹.

С августа 1942 г. по 1946 г. В. М. Молотов являлся первым заместителем Председателя СНК СССР по общим вопросам. Ему приходилось ежедневно просматривать и подписывать множество документов. Будучи крупным государственным деятелем, В. М. Молотов за годы своего пребывания в наркомате проявил недюжинные способности и своеобразный дипломатический талант. Его имя вошло в историю мировой дипломатии. Англичане в 1939 г. за неуступчивую и твердую манеру вести переговоры говорили, что он напоминал «улыбающийся гранит»²².

По словам Бориса Бажанова, бывшего секретаря И. В. Сталина, В. М. Молотов был человеком очень работоспособным, невозмутимым и исполнительным. По многочисленным воспоминаниям сотрудников, он «с характерной требовательностью и тщательностью вникал не только в крупные направления работы, но и во всякого рода мелочи, что дисциплинировало всех сотрудников в центре и за рубежом»²³. Секретариат наркома вел большую работу по подготовке важных дипломатических документов. В. М. Молотов, в свое время являвшийся редактором «Правды», особенно внимательно вычитывал ноты, заявления, тексты договоров, а также проекты ответов И. В. Сталина на послания У. Черчилля и Ф. Рузвельта в годы войны. Секретариат оформлял устные распоряжения наркома послан²⁴.

Формы дипломатической работы с приходом В. М. Молотова в наркомат трансформировались. В отличие от М. М. Литвинова, новый нарком требовал беспрекословного подчинения, дисциплинированности, сам играл ведущую роль в переговорах по особо значимым вопросам, определял кадровую политику, согласовывая с главой государства назначения в руководящем звене управления. В воспоминаниях А. А. Громыко дана характеристика степени влияния наркома: в решении конкретных вопросов отношений с другими странами

многое зависело от В. М. Молотова, «от него и возглавляемого им министерства исходило большинство наших предложений в международных делах. Это относится и к периоду войны, который мне особенно знаком, поскольку почти все наши важные внешнеполитические шаги, так или иначе, касались США как союзной державы»²⁵.

И. В. Сталин сам определял, кто должен входить в руководящий аппарат внешнеполитического ведомства, лично подбирая партийные кадры. Первым заместителем наркома во время войны (с 6 сентября 1940 г. по 1946 г.) был назначен давний соратник И. В. Сталина доктор юридических наук А. Я. Вышинский²⁶. Его статус в государстве также был весьма значительным — депутат Верховного Совета СССР, член ЦК ВКП(б). В НКВД А. Я. Вышинский пришел, оставаясь заместителем Председателя СНК СССР. Он принес в наркомат «прокурорский стиль» общения с подчиненными. В годы войны не без его влияния в наркомате была установлена железная дисциплина. Перспектива отчитываться перед заместителем наркома за допущенные в работе ошибки не доставляла особой радости дипломатам и административно-техническому персоналу.

Среди трех заместителей наркома вплоть до очередной реорганизации ведомства в 1944 г. в разные годы были такие имевшие тот или иной дипломатический опыт сотрудники, как В. Г. Деканозов (с 3 мая 1939 г.), С. А. Лозовский (с 15 мая 1939 г.), М. М. Литвинов (с 10 ноября 1941 г.), И. М. Майский (с 28 июля 1943 г.), С. И. Кавтарадзе (с 3 сентября 1943 г.), А. Е. Корнейчук (с 23 мая 1943 г. по 2 февраля 1944 г.) и М. И. Алиев (с 22 ноября 1943 г. по 3 сентября 1944 г.)²⁷.

В. М. Молотов как представитель советского партийно-государственного руководства считал своими главными задачами реализацию на практике решений партии, предоставление в распоряжение ЦК ВКП(б) достоверных сведений и квалифицированных рекомендаций. Он строго соблюдал субординацию и партийную дисциплину, никогда не действовал по собственному усмотрению, не выходил за рамки полномочий, полученных от высшего руководства страны, этого же требовал и от своих подчиненных. Главным в советской дипломатии тех лет было сознательное самоограничение: каждый должен был заниматься тем, что ему поручено, точно и буквально исполнять указания руководства²⁸. Будучи осторожным и педантичным человеком, он проявлял профессиональный подход для поиска способов реализации поставленных советским руководством задач. С этой точки зрения нарком являлся классическим партийным дипломатом. За несколько лет он при значительном участии И. В. Сталина сформировал структуру мощного, работоспособного и беспрекословно исполнительного государственного учреждения²⁹.

В НКВД был введен режим строгой секретности. Сотрудникам запрещалось хранить даже самые обезличенные выписки из каких-либо служебных документов или записи. В этих условиях ведение дипломатами личных дневников полностью исключалось. Подлежали изъятию черновые записи, сделанные по ходу перевода бесед руководства с иностранцами. Строжайшей завесой секретности были окружены встречи в верхах в Тегеране, Ялте и Потсдаме. О принятых на них решениях знал крайне ограниченный круг работников НКВД СССР. Даже заместитель наркома С. А. Лозовский, ведавший отношениями со странами Дальнего Востока, не был информирован о принятом в Ялте обязательстве СССР вступить в войну с Японией³⁰.

Приход в наркомат В. М. Молотова совпал с возобновлением в подразделениях Совнаркома СССР работы коллегий³¹. Это способствовало некоторому повышению коллегиальности в решении тактических и текущих проблем. К работе НКВД стали активнее привлекать профессиональных переводчиков, экспертов, ученых, заключения которых использовались в работе ведомства. Нарком не читал и не говорил на иностранных языках, что считал своим главным недостатком для дипломатии³². Нарком всегда сам составлял свои выступления, надиктовывая текст, и в наиболее важных случаях согласовывал его с И. В. Сталиным.

Несмотря на режим ограничений при общении с иностранцами, сотрудники НКВД должны были вести работу с представителями иностранного дипломатического корпуса в Москве. Нарком считал это важной задачей, особенно в свете необходимости упрочения

антифашистской коалиции. Послы Великобритании и США находились под особой опекой наркомата. Периодически с ними встречался сам нарком или их приглашали к И. В. Сталину.

С началом Великой Отечественной войны в НКИД была проведена незначительная децентрализация, что диктовалось необходимостью оперативно решать конкретные вопросы текущей работы зарубежных представительств в условиях затруднительного получения предписаний из Центра. В июле 1941 г. было принято постановление СНК СССР «О расширении прав народных комиссаров СССР в условиях военного времени». В целях оперативного принятия решений были расширены права НКИД и ряда других наркоматов в области использования финансов, распределения материальных ресурсов, строительства и приобретения недвижимости за рубежом.

В. М. Молотову трижды пришлось реорганизовывать структурные подразделения центрального аппарата Наркомата иностранных дел. Первые структурные подразделения НКИД были проведены в соответствии с внешнеполитическими задачами в 1939 г. За годы Великой Отечественной войны центральный аппарат НКИД реорганизовывался еще дважды — в 1941 и 1944 гг. Всякий раз основное внимание было сосредоточено на повышении эффективности работы отдельных подразделений наркомата, усилении ответственности всех его звеньев и должностных лиц.

22 июня 1939 г. решением коллегии была утверждена новая структура НКИД, построенная с учетом региональной специализации подразделений в соответствии со степенью приоритетности отношений СССР с конкретными странами. Этот подход показал свою эффективность в военные годы. В результате реорганизации наркомат приобрел достаточно стройную структуру, четко очерченные функции отделов.

Советской дипломатии пришлось реагировать и на изменение формы государственного единства. В течение предвоенного периода количество союзных республик в нашей стране выросло с семи до шестнадцати. НКИД принял участие в демаркации новых государственных границ СССР. В июне — августе 1940 г. уполномоченным ЦК ВКП(б) по Латвии был назначен первый заместитель наркома иностранных дел СССР А. Я. Вышинский, считавшийся знатоком международного права, способным обеспечить советской стороне необходимые преимущества при заключении договоров с иностранными государствами³³. Потребовалось обновить распределение стран по региональным отделам наркомата. Страны, в которых прежде располагались советские представительства, перестали существовать, и задачи работы в соседних с ними государствах требовалось пересмотреть.

Принципиальная схема сформированной В. М. Молотовым в предвоенные годы структуры НКИД СССР просуществовала почти до конца войны, хотя в нее постоянно вносились те или иные изменения. Вскоре отпала необходимость в существовании отделов стран Восточной Европы и Прибалтики. 1-й Западный отдел, который курировал отношения со странами Прибалтики, Скандинавией, Польшей, и 3-й Западный, ведавший отношениями с Англией, Францией, Бельгией, Италией, Испанией, южноамериканскими испаноговорящими странами, стало возможным объединить. 2-й Западный отдел занимался отношениями со странами Средней Европы, Балканскими государствами и США. Канада в эти годы не поддерживала дипломатических отношений с СССР, хотя в 1924 г. и признала его де-юре³⁴. Было создано два восточных отдела: 1-й Восточный занимался отношениями со странами Ближнего и Среднего Востока, Турцией, Ираном, Афганистаном, Йеменом; 2-й Восточный курировал отношения с Китаем, Японией, другими дальневосточными странами. В начале 1941 г. в наркомате появился отдел Балканских стран.

Помимо территориальных отделов важное место в структуре НКИД СССР с первых лет существования наркомата отводилось функциональным подразделениям. Сложные внешнеполитические задачи, решение которых НКИД СССР был призван обеспечивать, не исключали наличия внутриведомственных проблем, требовавших пристального внимания руководства. Наркомату приходилось решать вопросы информационно-аналитической, организационно-управленческой и кадровой работы. Дипломатическая служба нуждалась для нормальной работы в протокольном, документационном, административно-техниче-

ском, финансово-экономическом обеспечении. Среди функциональных подразделений были отделы финансовый, административно-хозяйственный, консульский, протокольный, правовой, экономическая часть, а также отделы кадров, по учету государственных имуществ, учебный, печати и Литиздат.

Перевод работы ведомства в режим военного положения потребовал очередной реорганизации. С 22 июня по 31 декабря 1941 г. в НКВД были осуществлены временные изменения³⁵: преобразована структура управленческого аппарата ведомства, произошло значительное сокращение штатов. 13 ноября 1941 г. на заседании Коллегии НКВД был утвержден временный штат на ноябрь — декабрь 1941 г. по центральному аппарату ведомства, действовавший до 1944 г. Подразделения, способные выполнять параллельные действия, были слиты, а часть из них закрыта. Структура НКВД, согласно этому решению коллегии, формировалась из нее самой, секретариата народного комиссара, секретариатов трех заместителей наркома. Имелись также Генеральный секретариат и 10-й отдел (связи).

Основные изменения коснулись территориальных подразделений. Так, были сокращены и перегруппированы отделы, ведавшие европейскими странами. 1-й Европейский отдел занимался сложными дипломатическими отношениями с Францией, Бельгией, Голландией, Испанией, Португалией, Швейцарией, Швецией, Норвегией, Данией и Финляндией. 2-й Европейский отдел все внимание уделял организации сотрудничества с Великобританией и ее доминионами. 3-й Европейский отдел отслеживал и анализировал политику стран фашистского блока: Германии, Италии, Венгрии, Румынии. 4-й Европейский отдел занимался отношениями с Болгарией, Югославией, Грецией, Чехословакией, Польшей. В рамках реорганизации 1941 г. были объединены два Американских отдела: помимо США единый Американский отдел стал вести отношения со странами Центральной и Южной Америки. В других территориальных отделах изменения не производились. Сохранились Средневосточный отдел и три Дальневосточных отдела. В целях экономии ресурсов принятый временный штат предусматривал объединение Валютно-финансового отдела и Управления делами. Другие функциональные подразделения оставались отдельными единицами³⁶. Созданная структура НКВД СССР сохранялась вплоть до 1944 г.

Отдельным важным подразделением, расположенным в здании НКВД на Кузнецком Мосту и связанным с обеспечением связи Центра и посольств за рубежом, была дипкурьерская служба — Отдел дипкурьерской и местной связи. В условиях войны от ее сотрудников требовались четкость, преданность делу, порой настоящий героизм при обеспечении конфиденциальной связи с зарубежными представительствами и учреждениями. Провоз дипломатической почты, правила встреч и отправки дипкурьеров определялись нормами международного права и традицией. В НКВД СССР были выработаны единые требования к курьерским листам, способам упаковки дипломатических вализ³⁷. Дополнительный объем работы выпал на долю этой службы в период эвакуации наркомата. Часть сотрудников перебазировалась в Куйбышев, другие оставались в Москве и не прерывали работу, не считаясь с трудностями и лишениями. Дипкурьерам приходилось многократно пересекать линию фронта на боевых самолетах, зачастую под огнем вражеских орудий и авиации. Они доставляли столь необходимые для работы дипломатов инструкции и донесения на советских и союзнических военно-транспортных судах, под угрозой атаки немецких подводных лодок. В годы войны в ходе выполнения служебных заданий погибли дипкурьеры Н. Д. Шмаков, И. М. Хромов, Д. М. Червяков и М. И. Кольцов³⁸.

В связи с тяжелой обстановкой на фронтах уже с 7 июля 1941 г. в работе центрального аппарата были предусмотрены меры по подготовке к возможной эвакуации³⁹. Следует отметить особую роль одного из важнейших функциональных подразделений — Политархива НКВД СССР. Именно его фонды по плану эвакуации должны были быть перемещены в глубь страны в первую очередь. В. М. Молотов придавал большое значение сохранности документов. Уместно вспомнить образную характеристику ценности архивных дипломатических материалов, данную когда-то наркомом Г. В. Чичериным: «НКВД нуждается в документах, как РККА нуждается в патронах»⁴⁰.

Генеральный секретарь НКВД А. А. Соболев согласовал с руководителем союзного Совета по эвакуации, председателем Совета национальностей в годы Великой Отечественной войны Н. М. Шверником план вывоза Политархива. Подготовка к переезду в глубь страны началась с ревизии, отбора наиболее важных материалов и документов строгой секретности. Заведующий Политическим архивом НКВД СССР И. К. Зябкин с несколькими архивистами и привлеченными сотрудниками территориальных отделов проделали огромную работу по систематизации и отбору документов, подлежащих обязательной эвакуации, среди которых были подлинники международных договоров, карт с демаркацией государственных границ, а также ноты и приказы по наркомату, материалы секретариатов наркомов, их заместителей и Коллегии НКВД, личные дела сотрудников. Допуск к материалам Политархива было трудно получить даже ответственным сотрудникам наркомата, настолько высокий режим секретности работы он имел.

К 17 июля 1941 г. было упаковано и готово к отправке 510 ящиков, общий вес груза достигал 26 тонн. В конце июля — августе большая часть архивных материалов была доставлена в город Мелекесс Куйбышевской области для дальнейшей систематизации и научной обработки фондов. В сложных условиях нехватки самого необходимого для работы, в обстановке секретности поистине героическими усилиями немногочисленных сотрудников архивного управления документы были приведены в рабочее состояние. Это подразделение в короткие сроки возобновило выполнение запросов аппарата. Уже в 1942 г. в Куйбышев, куда эвакуировался Наркомат иностранных дел, из Мелекесса было отправлено по запросам руководства НКВД более 3,5 тыс. архивных дел⁴¹.

Архив вывезли первым, а переезд сотрудников НКВД состоялся после того, как в столице была объявлена общая эвакуация государственных учреждений. С 20 октября вводилось осадное положение. В сентябре — октябре 1941 г. в условиях быстрого продвижения немецко-фашистских войск к Москве в Куйбышев поэтапно был эвакуирован штатный состав НКВД (сотрудники с семьями). Часть семей была направлена в Куйбышевскую область, Казань и другие тыловые районы и города страны. Сотрудники наркомата, эвакуированные в Куйбышев, жили в стесненных условиях общежития, технические сотрудники ютились в учебных аудиториях и институтских залах. Семьи были эвакуированы в другие районы. Скучное питание и работа на износ подрывали здоровье. Преодолевая невзгоды, дипломаты выполняли все возложенные на них обязанности.

Во время эвакуации НКВД в Куйбышев работу наркомата возглавлял А. Я. Вышинский, прибывший туда осенью 1941 г. Под его руководством осуществлялась связь с советскими представительствами за рубежом, координировалась работа всех советских учреждений, задействованных в сфере внешней политики. Благодаря его влиянию и свойственному ему стилю руководства в короткие сроки было выполнено распоряжение И. В. Сталина: организована эвакуация в Куйбышев и размещение сотрудников иностранных посольств и миссий с семьями. На момент начала Великой Отечественной войны СССР имел дипломатические отношения с 28 государствами, но едва ли половина из них согласилась оставить в полном составе свой дипкорпус в условиях бытовых лишений на территории воюющего государства. Острая нехватка продовольствия, отсутствие приспособленных помещений для обустройства иностранных посольств не помешали руководству НКВД обеспечить дипкорпус специальными пайками, бытовыми товарами, отоплением квартир и другими удобствами.

Подъему патриотических настроений в стране способствовало то, что руководство страны оставалось в Москве. 7 ноября 1941 г. И. В. Сталин принимал парад войск на Красной площади. Как его ближайший соратник заместитель по руководству Государственным Комитетом Обороны В. М. Молотов также должен был оставаться в столице. Он работал в Кремле с небольшой группой помощников вплоть до возвращения сотрудников Наркомата иностранных дел из эвакуации в 1943 г.

Заведующий 4-м Европейским отделом (Балканские страны) Н. В. Новиков вспоминал, что на ответственные встречи и переговоры с представителями стран — союзниц по антигитлеровской коалиции, проводимые В. М. Молотовым и И. В. Сталиным, из Куйбышева

вызывали его и некоторых других заведующих отделами⁴². Вынужденное разделение аппарата наркомата на две части значительно усложняло работу, сказывалось на слаженности и оперативности. Некоторым работникам практически регулярно приходилось ездить с документами между Куйбышевым и Москвой, что в условиях военного времени было сложно. Нередко они вынуждены были ночевать в служебных кабинетах, не возвращаясь домой сутками.

Задачи дипломатии и дипломатической службы корректировались руководством по мере изменения международно-политической обстановки и положения на фронтах. После победы в битве под Москвой некоторые сотрудники НКВД СССР были отозваны с фронта. В 1942 г. число работавших в оперативных отделах стало возможным увеличить и довести общий штат ведомства до 522 человек.

С осени 1943 г., после побед под Сталинградом и Курском, стало очевидным, что Красная армия способна самостоятельно изгнать немецко-фашистских захватчиков за пределы нашей страны. Наметился новый этап в деятельности НКВД СССР: дипломаты стали действовать наступательно, опираясь на реальную мощь государства. Необходимость пристального наблюдения за действиями других стран на международной арене, анализа дипломатических акций союзников и изменившейся тактики противников потребовала от руководства страны смещения прежних внешнеполитических приоритетов. Это не могло не отразиться на деятельности Наркомата иностранных дел.

Поражение германских войск, утрата ими стратегической инициативы сняли и такую прежде крайне актуальную задачу, как необходимость удержания нейтральных стран от перехода на сторону фашистской Германии. После победы Красной армии под Сталинградом активизировалась дипломатическая активность на южном направлении. Страны региона, прежде всего Турция, предприняли шаги для активизации двустороннего политического диалога с СССР. Стало ясно, что расстановка сил в регионе может коренным образом измениться. Советскому Союзу необходимо было выработать новую тактику в отношении с целым рядом стран, особенно с теми, которые традиционно развивали сотрудничество с Советским государством. Это было важно еще и потому, что англо-американские союзники открыто проявляли заинтересованность в этом регионе, стремясь распространить там свое политическое влияние и получить выгоды от торгово-экономического сотрудничества. Всё это требовало пристального наблюдения со стороны НКВД СССР.

Прежний руководитель Средневосточного отдела С. И. Кавтарадзе, хорошо зарекомендовавший себя в работе с турецкой стороной при непосредственном кураторстве заместителя наркома В. Г. Деканозова, 3 сентября 1943 г. получил новое назначение и также стал одним из заместителей В. М. Молотова. На его место заведующего Средневосточным отделом руководство назначило сотрудника центрального аппарата И. В. Садчикова. В мае 1944 г. было решено разукрупнить Средневосточный отдел. Из него выделили самостоятельный Ближневосточный отдел, главой которого назначили бывшего советника посольства в Афганистане И. В. Самыловского⁴³.

Наметившийся в 1943 г. кризис внутри фашистского блока окончательно снял угрозу внешней агрессии на дальневосточных рубежах. Стало возможным сократить число территориальных отделов, курировавших страны этого региона, с трех до двух. 3-й Дальневосточный отдел, занимавшийся Монголией, Синьцзяном, претендовавшим на «особые отношения» с СССР, и Тувой, был расформирован. В августе 1944 г. Тувинская Народная Республика присоединилась к СССР и была включена в состав РСФСР, а Синьцзян окончательно попал под контроль гоминьдановского правительства Китая⁴⁴.

На втором этапе войны советские дипломаты активно участвовали в выработке принципов послевоенного устройства мира на демократических началах, устранения угрозы новых вооруженных конфликтов, обеспечения международной безопасности. Международный авторитет Советского Союза как государства, внесшего наибольший вклад в разгром армий фашистского блока, значительно упрочился. Количество переговоров, обменов визитами, в том числе встреч на высшем уровне, стремительно увеличивалось. Во многих случаях мнение

представителей СССР на международных и двусторонних межгосударственных встречах становилось решающим.

Новой в практике внешнеполитической деятельности СССР формой работы стала личная дипломатия руководителя государства и главы внешнеполитического ведомства. Сотрудникам аппарата НКВД пришлось осваивать международные правила дипломатического сопровождения регулярного обмена личными посланиями между лидерами СССР, Великобритании и США, протокольного обеспечения совещаний в верхах, на которых решались принципиальные вопросы ведения военных действий, открытия новых фронтов и послевоенного урегулирования.

Проведение двусторонних и многосторонних встреч и совещаний с министрами иностранных дел других государств требовало значительной подготовительной работы и экспертных заключений в сфере международного права. Большое количество времени затрачивалось на многочисленные контакты дипломатов более низкого звена, занимавшихся текущей оперативной работой. В ходе войны значительное развитие получила практика принятия двусторонних и многосторонних деклараций, создания разного рода смешанных комиссий для решения конкретных вопросов сотрудничества или урегулирования споров. Работая бок о бок со своими зарубежными коллегами советские дипломаты получали бесценный практический опыт, повышали свою профессиональную компетенцию.

На заключительном этапе войны, с выходом советских войск на западные границы СССР, переносом боевых действий на территории восточно-европейских стран, началом освободительного похода Красной армии по территории Восточной и Центральной Европы круг задач, стоявших перед НКВД, еще больше расширился. Наряду с созданием условий для быстрейшего разгрома фашистской Германии и ее сателлитов перед советской дипломатией первоочередной целью встала выработка принципов послевоенного урегулирования, дальнейшего расширения международных контактов, приобретения новых союзников, с которыми необходимо было налаживать торгово-экономическое сотрудничество. В этот период нарком В. М. Молотов провел третью реорганизацию ведомства. К концу войны штат Наркомата иностранных дел вырос и в 1944 г. достиг 756 человек⁴⁵. Появилась возможность не только разукрупнить территориальные, но и создать новые функциональные отделы, а также разгрузить наркома, увеличив число его заместителей.

Рост международного авторитета СССР в конце войны обусловил его включение в целый ряд процессов, определявших мировую политику, а также участие в большинстве существовавших в те годы международных политических, экономических и гуманитарных организаций. Повысились требования к уровню советского представительства при участии в международных встречах и конференциях. Это нашло выражение в увеличении заместителей наркома с трех (утвержденных временным штатом 1941 г.) до восьми человек. В число новых заместителей вошли бывшие послы в Великобритании — И. М. Майский, в США — М. М. Литвинов (с августа 1943 г. по возвращении из-за границы и до 1946 г.), С. И. Кавтарадзе и А. Е. Корнейчук, а также перешедший из ЦК компартии Азербайджана М. И. Алиев⁴⁶.

Другие итоги последней в военные годы реорганизации НКВД сводились к следующему. 16 февраля 1944 г. из 1-го Европейского отдела выделили часть стран отдельного региона и передали курирование ими 5-му Европейскому отделу. Это были страны Северной Европы — Швеция, Норвегия, Финляндия и Дания. Руководителем нового отдела назначили бывшего советника посольства СССР при союзных правительствах в Лондоне П. Д. Орлова. 1-й Европейский отдел продолжал курировать страны Западной Европы, и руководить им оставили М. Г. Сергеева.

Особая нагрузка в конце войны ложилась на 3-й Европейский отдел, в ведении которого оставались Германия и ее бывшие союзники. С 1945 г. на него были замкнуты три комиссии по урегулированию германского вопроса, впоследствии переведенные в аппарат политического советника при главнокомандующем Группы советских оккупационных войск в Германии. Руководителем его был назначен вернувшийся из заграникомандировки заведующий этим отделом в период 1941—1942 гг. А. А. Смирнов. Исходя из важности стоявших перед 3-м Евро-

пейским отделом задач, его штат увеличили до 14 человек. Самым многочисленным по штату стал 2-й Европейский отдел, где с 1944 г. работали 20 человек, что отражало большой интерес советской дипломатии к развитию отношений со странами Британского содружества⁴⁷.

27 июня 1944 г. Американский отдел был разделен. Во главе Отдела США поставили С. К. Царапкина, увеличив штат сотрудников до 13 человек. Отделом Латиноамериканских стран стал руководить К. А. Михайлов, бывший посол в Афганистане и Иране. В. С. Герашенко поручили организовывать работу вновь созданного Экономического отдела, состоявшего из 17 человек.

На протяжении войны не столь заметной, но совершенно необходимой для нормальной работы наркомата была служба функциональных отделов. В. М. Молотов много сделал для четкого регламентирования их работы, о чем свидетельствуют приказы по НКВД СССР. Сотрудники Протокольного отдела и Отдела печати выезжали в командировки по стране, в том числе в прифронтовые районы, сопровождая иностранных журналистов и дипломатов с риском для собственной жизни. В таких поездках погибли сотрудники Отдела печати М. К. Васев и В. В. Кожемяко, многие получили ранения.

Отдельного внимания заслуживает принятый 1 февраля 1944 г. закон о предоставлении союзным республикам права вступать в непосредственные сношения с иностранными государствами и создавать собственные ведомства иностранных дел. При этом за высшими органами власти Союза ССР сохранялись право устанавливать общий порядок во взаимоотношениях союзных республик с иностранными государствами и представительство в международных отношениях в целом. Принятие этого закона, вызванного к жизни сугубо внешнеполитическими соображениями, не привело к изменению в общей системе и порядке работы НКВД СССР. Руководители республиканских наркоматов получили возможность участвовать в работе коллегии союзного Наркоминдела.

Народным комиссаром иностранных дел РСФСР был назначен А. И. Лаврентьев (1944–1946), который в 1943 г. был заведующим 1-м Европейским отделом, а в 1943–1944 гг. руководил Ближневосточным отделом союзного НКВД. Как правило, в аппарат республиканских наркоматов назначались по совместительству только их руководители, которые уже занимали высокие должности в республиках. НКВД РСФСР, например, долгое время размещался всего в одной комнате здания союзного наркомата, а его штат состоял из помощника наркома и секретаря-делопроизводителя. Таким образом, острой необходимости в налаживании контактов союзного и республиканских комиссариатов не было, и на работе НКВД СССР этот закон отразился мало.

Следует отметить, что структура аппарата Наркомата иностранных дел СССР в годы войны оставалась гибкой и достаточно легко трансформировалась при возникновении новых задач. Главными принципами деятельности центрального аппарата дипломатического ведомства оставались централизм, субординация, обеспечение максимально эффективной реализации курса, определенного главой государства.

Какой бы сложной ни была расстановка сил на мировой арене, с какими бы трудностями ни сталкивалась наша страна при выстраивании внешнеполитических приоритетов и стремлении сыграть на противоречиях великих держав, невозможно отрицать факт, что к 1941 г. Советский Союз представлял собой мощную силу, с которой приходилось считаться международному сообществу. Лучшим свидетельством этому являлось расширение дипломатических отношений по всем внешнеполитическим направлениям. Число стран, установивших отношения с Советским Союзом перед началом Великой Отечественной войны, достигло 26. Установление дипломатических отношений сопровождалось обменом дипломатическими представительствами. Помимо этого, СССР имел торговые соглашения с целым рядом государств перед установления с ними дипломатических отношений, там работали советские консульские пункты. Были страны, к примеру Канада, признавшие СССР, но не установившие с ним до 1941 г. дипломатических отношений. Народный комиссариат иностранных дел СССР отвечал за налаживание полноценных межгосударственных отношений со всеми странами-партнерами.

В целом, решая главную задачу внешней политики, НКВД СССР был призван наилучшим образом обеспечить успешное проведение внутривнутриполитических мероприятий и сделать все возможное для нейтрализации угроз безопасности страны.

Начавшаяся Великая Отечественная война внесла коррективы в работу советских дипломатических представителей за рубежом. 22 июня 1941 г. почти все советские посольства в оккупированных немцами европейских странах прекратили работу. За три месяца до этого, 22 марта 1941 г., Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило инструкцию «О взаимоотношениях полпредов в Германии, Турции, Италии, Румынии и Болгарии с торгпредами, военными атташе и работниками других советских учреждений в этих странах», составленную наркомом В. М. Молотовым. Тогда еще сохранялась надежда отсрочить войну, и важно было скоординировать деятельность советских заграничных учреждений на проблемном направлении — в странах фашистского блока. Когда этого сделать не удалось, главными центрами дипломатической работы оказались советские посольства в Лондоне, где послом с 1932 г. был опытный дипломат И. М. Майский, и в Вашингтоне, куда в ноябре 1941 г. послом был назначен М. М. Литвинов.

Советская дипломатическая служба к этому времени приняла сложившиеся формы, выработала способы ведения переговоров и другие методы, которыми и добивалась решения поставленных задач. Существенно изменился ее статус, который был приведен в соответствие с общепринятыми международными нормами. Еще до начала Великой Отечественной войны существовавшая с первых лет становления Советского государства традиция именовать представителя страны в иностранных государствах просто полномочным представителем (полпредом) была отменена. В соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1941 г. вместо прежнего наименования были введены принятые в мировой дипломатии ранги чрезвычайных и полномочных послов, посланников, а также поверенных в делах⁴⁸. Это исключило протокольные недоразумения, особенно при проведении официальных торжественных церемоний, ликвидировало неравенство советских полномочных представителей (полпредов) за границей в отношении их зарубежных коллег и определило их место в дипломатическом корпусе страны пребывания⁴⁹.

Деятельность посольств осуществлялась по регламентам, сформированным в общих чертах еще в первые годы советской власти. Штат посольств за границей варьировался в зависимости от интенсивности двусторонних отношений, но, как правило, был невелик. Содержание посольств требовало немалых средств, а в условиях жесткой экономии военного времени достаточные ресурсы находились не всегда. Тем не менее в штате посольства помимо самого посла обычно работали советник, первый секретарь, военный атташе (иногда и военно-морской атташе) и генеральный консул (при отсутствии сети консульских пунктов). Предусмотрен был также технический персонал: секретари, в том числе секретарь консульства, завхоз, шифровальщик, охрана из ОГПУ (затем — НКВД). Общение с иностранцами за рубежом было разрешено только дипломатам. Технический и административный персонал посольств не имел такой возможности. Беседы с журналистами, посещение посольств других стран без сопровождения коллег были ограничены и проводились с разрешения руководства.

В посольствах, как и в самом наркомате, действовала жесткая централизация управления. Посол лично отвечал за порученный участок работы, должен был проявлять требовательность к подчиненным. Посольствам в годы войны было предписано собирать информацию обо всех советских гражданах, находившихся на территории соответствующего государства и обязанных регистрироваться в посольстве. Они также отвечали за координацию работы представительств различных общественных и государственных организаций и ведомств, находившихся за границей и привлекавших к работе советских людей. Продолжала действовать инструкция, предписывавшая советским должностным лицам, находившимся за границей, отчитываться о своей работе перед послом в стране пребывания, подчиняться его распоряжениям, выполнять его указания. Это касалось и торгпредов. Посол сохранил право без консультаций с Москвой по своему усмотрению откомандировывать в Москву в 24 часа

сотрудников любого советского учреждения, организации и предприятия, находившихся за границей, если считал их поведение подозрительным⁵⁰.

От работавших за рубежом дипломатов требовалась деятельность «сильной идеологической направленности и жесткой боевитости»⁵¹. В замкнутых коллективах посольств действовали партийные ячейки. На партийных собраниях проводилась политико-воспитательная работа с кадрами и даже допускалась товарищеская критика посла⁵².

В. М. Молотов, будучи главой советского правительства, был заинтересован в максимальном сохранении административно-командной, строго иерархичной, с доминированием принципа жесткой субординации системы. В качестве наркома он выражал недовольство любым отступлением от принципа централизованной дипломатии. В сложной военной обстановке самостоятельная политическая инициатива послов была, по его мнению, недопустима и опасна. Вспоминая об этом времени, В. М. Молотов отмечал, что в его ведомстве не могло быть сильных дипломатов, поскольку в сложной обстановке инициативу проявлять послам было невозможно. «Опытных дипломатов у нас не было, но честные и осторожные дипломаты у нас были, грамотные, начитанные»⁵³. Они должны были исполнять его указания, «были в кулаке у Сталина» и самого наркома. Наказанию подлежали любые попытки послов в нарушение субординации обращаться к партийному руководству.

В наркомате была проведена работа по запрещению всякой активности послов, не согласованной с Центром. Послабления допускались только в материально-хозяйственной сфере работы полпредств. Такую строгость в наркомате объясняли тем, что за рубеж было направлено много неопытных, вновь набранных сотрудников⁵⁴. Посол получал указания напрямую из территориального отдела НКВД, а в особо деликатных случаях — от заместителей или самого наркома В. М. Молотова. В условиях войны во время краткосрочных поездок в Москву полпреды из особенно важных для СССР стран изредка попадали на прием к И. В. Сталину и напрямую получали от него указания, однако подобные ситуации носили исключительный характер⁵⁵.

В военное время усилилась опасность провокаций в отношении сотрудников советских посольств даже на территории государств, объявивших о нейтралитете. Особенно часто это возникало после 1941 г. в Японии, Турции, Иране. Вокруг советских дипломатов за границей разгоралось соперничество иностранных разведок. В особом положении в этой связи оказались представители советской разведки, отправляемые из Москвы в полпредства. Взаимоотношения дипломатов с чекистами складывались непросто. НКВД всегда отстаивал принцип старшинства посла в загранпредставительствах. Сотрудники НКВД, как и военные атташе, резиденты внешней разведки и Наркомата обороны обязаны были по распоряжению В. М. Молотова предоставлять послам свою информацию в полном объеме. Они должны были обо всем информировать посла, который со ссылкой на источник сам составлял телеграммы в Центр. Послы, в свою очередь, должны были отчитываться о секретных переговорах с представителями иностранных правительств только перед своим руководством в Москве.

В новых условиях дипломатическая служба СССР, ее зарубежные представительства столкнулись со множеством трудностей военного времени. Появился целый ряд краткосрочных, но не терпевших отлагательства задач. Они были связаны как с организационным обеспечением текущей работы (связь, технические вопросы, финансирование, охрана зданий полпредств, переезды дипломатов по территории воюющих государств), так и с информационно-идеологической работой и решением ряда гуманитарных задач.

Например, сотрудникам советской дипломатической службы надо было в срочном порядке организовать возвращение на родину советских специалистов, ученых, деятелей культуры, застигнутых войной в загранкомандировках. Гораздо более сложным делом было организовать выезд на родину советских граждан, застигнутых войной на территории государств, объявивших СССР войну, разорвавших с ним дипломатические отношения или подвергшихся фашистской оккупации. В связи с этим необходимо было найти среди нейтральных государств те, которые согласились бы принять на себя защиту интересов Советского Союза и его граждан за рубежом. Немногочисленные сотрудники советского посольства в

Германии сразу после начала войны настойчиво добивались возвращения на Родину более тысячи советских граждан, ставших заложниками ситуации⁵⁶. Сотрудники центрального аппарата НКВД сумели заручиться посредничеством находившихся в Москве миссий Швеции и Болгарии. Общими усилиями был произведен обмен советских и германских граждан через территорию Турции⁵⁷. Тогда на границе СССР и Турции в Ленинкане был обменен на германского посла в СССР Ф. фон Шуленбурга советский посол в Германии, заместитель наркома иностранных дел СССР В. Г. Деканозов⁵⁸.

Усложнение профессиональных задач сопровождалось материальными трудностями, которые почувствовали на себе сотрудники дипломатической службы. Страдали, голодали и работали на пределе сил в годы Великой Отечественной войны все советские люди, и дипломаты несли свою ношу лишений. Расходы на содержание советских посольств, и так всегда жестко регламентированные, с началом войны были значительно урезаны. В ряде удаленных стран советским дипломатам задерживали выплату зарплаты. Были сокращены резервные секретные финансовые фонды посольств, из которых оплачивались приемы по различным поводам, финансировалась информационно-пропагандистская деятельность и производилась закупка сувениров для политических и общественных деятелей страны пребывания.

Все расходы следовало заранее планировать и отправлять на них запросы в Центр. С переходом на военное положение в СССР сотрудники посольств также стали поочередно работать в круглосуточном режиме. Не всегда можно было соблюдать в военные годы и введенную решением Политбюро ЦК ВКП(б) еще в 1938 г. норму для всех работающих за границей проводить отпуск в СССР⁵⁹. Даже дорога к месту назначения стала занимать существенно больше времени и была отнюдь не безопасна. Например, М. М. Литвинов, назначенный в 1942 г. послом СССР в США, вынужден был добираться в Америку круглым путем — через Тегеран, Багдад, Сингапур и Филиппины. Особенно опасными стали маршруты следования из СССР к месту назначения за границей и обратно, пересекавшие Северное море и Атлантический океан, где в первые годы войны фашистские подводные лодки топили все гражданские суда.

Существенной не только моральной, но и материальной поддержкой для сотрудников Наркомата иностранных дел было принятое 28 мая 1943 г. постановление СНК СССР «О введении форменной одежды для дипломатических работников НКВД, посольств и миссий СССР за границей». Повседневная форма военного образца вводилась с 1 ноября 1943 г. для руководящих сотрудников центрального аппарата НКВД. Она была универсального серого цвета, погоны крепились на шинель, предусматривались фуражки с эмблемами. Общему руководящему составу и дипломатам зарубежных представительств полагались расшитые вензелями черные парадные мундиры, брюки с лампасами, папахи и кортики, которыми все названные сотрудники были обеспечены в течение полугода. Позже помимо парадной появилась зимняя и летняя форма для дипломатов. В условиях военного дефицита товаров и низкого жалования возможность получить пошитую в ателье наркомата качественную одежду была большим подспорьем. Форма заставляла подтягиваться, а также избавляла советских дипломатов от необходимости приобретать дорогостоящие смокинги и фраки, обычные для иностранных послов⁶⁰. На форменной одежде были знаки различия в соответствии с присвоенным рангом, звезды на погонах выполнялись золотым шитьем. Послу полагались генеральские погоны и металлическая эмблема в виде двух скрещенных пальмовых ветвей. В условиях военного времени форменная одежда символизировала повышение авторитета и политического статуса дипломатической службы, придавала ее обладателям уверенности в ходе официальных контактов по долгу службы.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 мая 1943 г. «Об установлении рангов для дипломатических работников НКВД, посольств и миссий СССР за границей» вводились личные ранги Чрезвычайного и Полномочного Посла, Чрезвычайного и Полномочного Посланника (1-го и 2-го классов), советника (1-го и 2-го классов), первого и второго секретаря (1-го и 2-го классов для каждого), третьего секретаря и атташе. Высшие ранги (послов и посланников) присваивались указом Президиума Верховного Совета СССР, по остальным

рангам издавался приказ по наркомату. Введение дипломатических рангов упорядочивало прохождение дипломатической службы, способствовало ее профессионализации и приближало к международным стандартам. По структуре и форме она приобретала черты военной организации.

Важнейшей частью работы посольств был сбор информации по конкретной стране, ее соседям, а также другим государствам. Во время Великой Отечественной войны эта задача приобретала порой жизненно важное значение для воюющей страны. Связь была нерегулярной, неделями задерживались почта и советские газеты. Послы выполняли поручения из Центра и должны были отчитываться об этом в своих телеграммах. Вопросы достоверности и сохранности информации были крайне важны.

Нарком В. М. Молотов уделял большое значение секретности в работе. Активизация иностранных разведслужб в условиях, когда приходилось обсуждать с партнерами по переговорам не только политические, но и военные вопросы, выстраивать сложные схемы стратегии многосторонних переговоров, планировать встречи в верхах и поездки руководства страны, заставляла сотрудников советской дипломатической службы проявлять повышенную бдительность.

Для руководства страны было важно знать также, что интересуется иностранцев, находившихся на территории СССР. Это относилось не только к дипломатам, но и к немногочисленным журналистам из зарубежных издательств и информационных агентств. Став наркомом, В. М. Молотов на несколько месяцев отменил цензуру для иностранных корреспондентов. К практике тщательного контроля официально передававшихся иностранцами из Москвы информационных материалов вернулись с началом войны в Европе.

Еще в ходе первой реорганизации НКВД, проведенной В. М. Молотовым в 1939 г., были сформированы секретные части непосредственно в отделах, прежде всего территориальных, ведущих переписку с заграничными представительствами. Телеграфная связь оставалась в условиях войны самым быстрым способом передачи информации. Отдел шифросвязи с приходом в НКВД В. М. Молотова получил название 10-го отдела, его штат увеличили. Этот отдел, как и Политический архив, нарком передал под контроль В. Г. Деканозова — своего заместителя, близкого к Л. П. Берии, обладавшего соответствующим опытом прежней работы в качестве заместителя начальника Главного управления государственной безопасности НКВД.

Не следует забывать, что страна вынуждена была вернуться к практике секретных договоров, обычной для дипломатии царской России, которую большевики разоблачали в 1917–1918 гг. Советско-германский договор о ненападении, подписанный 23 августа 1939 г., был снабжен секретным протоколом. А 28 сентября В. М. Молотов и И. фон Риббентроп подписали второй договор «О дружбе и границе», сопровождавшийся новыми секретными соглашениями⁶¹. Эти соглашения и протокол были частью тонкой дипломатической игры, но отдельными статьями нарушали существовавшие в то время нормы международного права, решая судьбу третьих стран без их ведома. Это обстоятельство побудило руководство страны отрицать сам факт его существования и тщательно оберегать засекреченный документ, подписанный В. М. Молотовым⁶².

В обстановке строгой секретности был подписан ряд протоколов по итогам встреч в верхах лидеров большой тройки. Там тоже были отражены соглашения по разделу сфер влияния в Германии, странах — участницах фашистского блока, Восточной Европе, на Дальнем Востоке и в ряде других регионов мира. Так, 9–18 октября 1944 г. в Москве проходила встреча И. В. Сталина с У. Черчиллем по вопросу послевоенных сфер влияния в придунайских странах Европы и на Балканах. Никаких документов главы государств не подписывали, но сохранились упоминания о достигнутых договоренностях и записи бесед.

Чем ближе было окончание войны и напряженнее шли переговоры с союзниками по поводу послевоенного переустройства, тем важнее становилось обеспечение конфиденциальности указаний руководителей страны советским военачальникам и дипломатам. 9 марта 1945 г. появился новый регламент порядка рассылки шифротелеграмм НКВД СССР. Наиболее важные политические телеграммы из-за границы рассылались, минуя начальников

отделов и заместителей наркома, только И. В. Сталину и В. М. Молотову. Это было отчасти оправданно, но иногда мешало руководителям советской дипломатии получать всеобъемлющую информационную картину⁶³.

В работе советской дипломатической службы за рубежом в годы Великой Отечественной войны появились новые направления. С возрастанием роли личной дипломатии главы государства и наркома иностранных дел не только сотрудникам центрального аппарата НКВД, но и сотрудникам советских посольств пришлось осваивать сравнительно новые для себя правила дипломатического сопровождения визитов высокого уровня, согласования с протокольными службами других государств порядка организации многосторонних совещаний и конференций. Это была хорошая школа. Нарботки в ходе такого рода мероприятий были в дальнейшем широко использованы при обучении молодых советских дипломатических кадров.

Известно, что И. В. Сталин предпочитал не покидать территорию страны. В годы Великой Отечественной войны он выезжал только на Тегеранскую и Потсдамскую конференции в зоны, находящиеся под контролем советских войск. Переговоры по организации визитов руководителей иностранных государств входили в обязанности посольств СССР. Это была специфическая работа, в которой приходилось тщательно соблюдать секретность.

Заграничные поездки по поручению советского лидера совершал В. М. Молотов. Впервые он выехал за границу в Берлин по приглашению германского правительства 13 ноября 1940 г. Тогда ему пришлось встречаться с А. Гитлером, И. фон Риббентропом и другими деятелями рейха⁶⁴. В дальнейшем рабочие поездки В. М. Молотов совершал как нарком иностранных дел. Всякий раз перед поездкой он лично готовил директивы, предварительно согласованные с И. В. Сталиным. В ходе любых переговоров нарком настойчиво добивался, чтобы партнеры приняли именно советскую позицию, руководствуясь полученными от партии и правительства инструкциями. У В. М. Молотова сложился определенный стиль ведения переговоров, за который он получил в западном дипломатическом сообществе прозвище Господин Нет. Помощник В. М. Молотова В. И. Ерофеев, впоследствии ставший послом, вспоминал, что нарком после объявления своей позиции в ответ на все возражения просто много раз повторял одно и то же.

У Черчилль в мемуарах сравнивал его с роботом, но называл «остро отточенным» дипломатом, ни разу не допустившим ненужную полуоткровенность. Во время поездок его встречали советские послы, сотрудники посольств участвовали в дипломатическом сопровождении наркома. Так, А. А. Громыко встречал его вместе с послом в США М. М. Литвиновым во время визита в Вашингтон⁶⁵. В условиях войны такие рейсы были чреваты многими опасностями. Ставший знаменитым перелет В. М. Молотова 19 мая 1942 г. в Англию с подмосковного аэродрома Раменское на бомбардировщике ТБ-7 проходил над оккупированной территорией, был долгим и опасным, предполагал пересечение линии фронта. Как вспоминал впоследствии маршал авиации А. Е. Голованов, командовавший авиацией дальнего действия, еще в марте 1942 г. И. В. Сталин поручил ему лично, соблюдая строжайшую конспирацию, разработать маршрут полета В. М. Молотова в Лондон. Полет был очень тяжелым как по метеоусловиям, так и по боевой обстановке. По воспоминаниям наркома, бомбардировщик атаковали немецкие истребители, а в районе Рыбинска самолет, на котором он возвращался, был обстрелян нашим истребителем⁶⁶.

В конце войны в практике НКВД СССР возникла еще одна новая для дипломатов форма деятельности: группы ответственных сотрудников наркомата в качестве консультантов были прикомандированы к командующим фронтами, войска которых вступили в Германию, Австрию и другие европейские страны.

Работа советских посольств в годы Великой Отечественной войны была многогранна и требовала от дипломатических сотрудников творческого подхода. Им приходилось много выступать с разъяснениями сущности шагов советского руководства. Эти выступления проходили не только на митингах, но и в прессе, на радио стран пребывания. Координировали посольства и деятельность многочисленных общественных организаций, стремившихся ока-

зять советскому народу помощь в борьбе с фашизмом: помимо комитетов Красного Креста это были профсоюзные, религиозные, пацифистские, ветеранские организации, различные антифашистские движения. Не оставались советские дипломаты в стороне от организаций рабочего и коммунистического движений. После официального роспуска Коминтерна в 1943 г. связи представителей этих партий с сотрудниками советских посольств не прерывались.

В целом, в годы войны дипломатическая служба страны вносила посильный немалый вклад в ускорение разгрома врага. Успешно решалась задача упрочения антифашистской коалиции, открытия второго фронта в Европе, улучшения имиджа и повышения авторитета Советского государства за рубежом, признания его в качестве великой державы — полноправного участника международных отношений. Советские дипломаты деятельно участвовали в разработке основ послевоенного урегулирования, организации работы ООН и признании в качестве основы международных отношений принципов мирного сосуществования государств с различным общественным строем. При этом советская дипломатическая служба не переставала заниматься повседневной работой по обеспечению военных поставок союзников по антигитлеровской коалиции; вопросами, связанными с предотвращением нападения на СССР милитаристской Японии; недопущением сепаратных переговоров кого-нибудь из союзников с агрессором за спиной Советского государства, обеспечением беспрепятственного транзита военных поставок из США в Советский Союз через Иран, Мурманск и Дальний Восток, а также многими другими вопросами.

В целом советская дипломатия, опираясь на героическую борьбу Вооруженных сил Советского Союза, успешно решала задачи, вытекавшие из внешнеполитического курса СССР.

Военная дипломатия накануне нападения Германии на СССР

В конце 1940 — начале 1941 г. аппараты военных атташе при посольствах СССР действовали в столицах 20 государств. Они представляли интересы Наркомата обороны СССР и Генерального штаба Красной армии. Одновременно руководители этих аппаратов являлись советниками дипломатических представителей по военным вопросам⁶⁷. Деятельностью советских военно-дипломатических представительств руководило Управление специальных заданий Генерального штаба, которое возглавлял опытный военный дипломат генерал Н. В. Славин.

Советские военно-дипломатические представительства действовали при посольствах СССР в Болгарии, Великобритании, Венгрии, Германии, Италии, США, Швеции, Финляндии, Франции, Чехословакии, Югославии и Японии. Аппараты советских военных атташе при советских посольствах также действовали в Афганистане, Ираке, Иране, Китае, Литве, Латвии, Польше, Эстонии. Военные связи с представителями военной авиации иностранных государств поддерживали аппараты военно-воздушных атташе, которые действовали при посольствах СССР в Берлине, Лондоне и Париже.

Военно-морские атташе, которые представляли интересы Наркомата ВМФ СССР, действовали при советских посольствах в Великобритании, Германии, Испании, Италии, США, Турции и Японии. Аппараты военных, военно-воздушных и военно-морских атташе возглавляли высокообразованные генералы и офицеры, которым поручалось изучать в стране пребывания широкий круг вопросов военного и военно-политического характера, вести оперативную работу, связанную с поддержанием и развитием связей между военными ведомствами СССР и страны пребывания.

Руководители и сотрудники аппаратов военных и военно-воздушных атташе изучали вооруженные силы стран пребывания, своей деятельностью способствовали развитию военно-технического сотрудничества, организовывали поездки официальных советских военных делегаций и ответные визиты представителей военных ведомств в СССР, посещали воинские

части и знакомились с боевой учебкой войск стран пребывания, содействовали обучению советских военных специалистов в странах предназначения, занимались распространением объективных сведений о Красной армии и советской военной технике, а также решали другие задачи военно-дипломатического характера. В целом, аппараты советских военных атташе решали широкий круг информационных, организационных и представительских задач.

Одними из важных сфер деятельности руководителей аппаратов военных атташе являлись изучение направленности внешнеполитического курса страны пребывания и оценка военно-политической обстановки в регионах ответственности. После начала Второй мировой войны советские военные дипломаты, действовавшие в основных европейских государствах, получили из Москвы указание изучать и оценивать реальные цели внешней политики нацистской Германии, Италии, Японии и других стран, входивших в состав фашистского блока. В заданиях, которые направлялись советским военным атташе, неоднократно указывалось на необходимость объективной оценки отношения А. Гитлера и нацистского руководства к Советскому Союзу.

Выполняя указания Генерального штаба, советские военные дипломаты, действовавшие в 1940 г. и первой половине 1941 г. в столицах европейских государств, первоочередное внимание уделяли сбору сведений, которые могли бы позволить объективно оценить направленность внешнеполитического курса фашистской Германии в отношении СССР. В одном из указаний Центра военным атташе ставилась следующая задача: «В оценке различного рода сведений и слухов надо исходить из общей международной ситуации и из того, от кого поступают эти сведения... Собирайте факты, анализируйте их и с учетом международной обстановки делайте свои выводы»⁶⁸.

Советские военные атташе, действовавшие в Берлине, Будапеште, Бухаресте, Риме, Хельсинки и столицах других европейских государств, в период с июня 1940 г. по июнь 1941 г. направили в Центр значительное количество донесений, в которых достаточно объективно оценивали нарастание военной угрозы со стороны нацистской Германии, тайно осуществлявшей подготовку к вероломному нападению на Советский Союз. Наиболее результативно в этот период действовали военные атташе генералы В. И. Тупиков, И. А. Суслопаров и А. Г. Самохин. В донесениях этих военных дипломатов не только указывались реальные признаки подготовки Германии к войне против СССР, но и объективно оценивалось постепенное нарастание военной угрозы.

Через десять дней после подписания А. Гитлером директивы № 21 помощник по авиации военного атташе при полпредстве СССР в Германии полковник Н. Д. Скорняков сообщил в Москву: «Гитлер отдал приказ о подготовке к войне с СССР. Война будет объявлена в марте 1941 года»⁶⁹. Эти сведения он получил от И. Штебе, которая в тот период работала в германском министерстве иностранных дел и имела возможность получать достоверные сведения от высокопоставленного чиновника Рудольфа фон Шелиа⁷⁰.

Активизировав подготовку к нападению на Советский Союз, германское командование усиленно маскировало проводимые мероприятия. Дезинформационные сведения распространялись по различным, в том числе и военно-дипломатическим каналам, и предпринимались в целях введения в заблуждение прежде всего советских военной разведки и военных дипломатов, которые действовали в Берлине, Риме, Бухаресте, Будапеште и столицах других европейских государств. Следует справедливо отметить, что некоторые дезинформационные сведения были тщательно подготовлены, вследствие чего иногда воспринимались некоторыми руководителями аппаратов советских военных атташе как достоверные и использовались для подготовки донесений в Центр.

В это время усиленно распространялись сообщения о том, что весной или летом 1941 г. Германия активизирует военные действия против Англии, которая якобы являлась главным противником Третьего рейха. Распространение подобного рода сведений осуществлялось в Берлине, а также по дипломатическим каналам в столицах государств фашистского блока. Делалось это искусно, как правило, информация на доверительной основе и целенаправленно доводилась до сотрудников официальных советских представительств, в том числе и воен-

ных дипломатов. Поэтому в Москву от некоторых военных атташе поступили сообщения, в которых излагались дезинформационные сведения. В частности, 13 мая 1941 г. из Рима в Москву военный атташе сообщил: «На 15 июня страны оси готовят большое наступление против Англии»⁷¹.

По мере нарастания военной угрозы со стороны фашистской Германии Генеральным штабом Красной армии принимались меры по укреплению аппаратов военных атташе квалифицированными специалистами. Так, в начале 1941 г. в Тегеран на должность военного атташе был направлен полковник Б. Г. Разин, в Софию — генерал И. А. Иконников, в Пекин — генерал В. И. Чуйков, в Токио — капитан 2 ранга И. А. Егоричев, в Берлин — генерал В. И. Тупиков.

Распространением сведений дезинформационного характера активно занимались и сотрудники военно-дипломатической службы военного министерства Венгрии. 13 марта 1941 г. советский военный атташе в Будапеште полковник Н. Г. Ляхтеров был приглашен в военное ведомство Венгрии, где ему сообщили, что среди дипломатического корпуса в Будапеште распространяются ложные слухи о подготовке Германии и Венгрии к нападению на СССР. Советскому военному атташе было предложено совершить поездку по стране, посетить пограничные с СССР районы Венгрии и сделать собственные выводы.

Полковник Н. Г. Ляхтеров направил в Москву донесение, в котором подробно изложил содержание переговоров в отделе внешних сношений венгерского военного ведомства, сообщил, что венгерская печать также сделала опровержение о якобы проводившейся в стране мобилизации и концентрации войск на советской границе, и уведомил о договоренности с «военным министерством о поездке на Карпатскую Украину с 17 по 20 марта»⁷².

Перед поездкой советского военного атташе венгерские власти предприняли необходимые меры по сокрытию следов подготовки к нападению на СССР: все было тщательно замаскировано, войска передислоцированы, военная техника скрыта. В ходе поездки полковник Н. Г. Ляхтеров и его помощник никаких признаков избыточного сосредоточения войск в районе границы выявить не смогли, о чем военный атташе поспешил сообщить в Москву. Это донесение из Будапешта было доложено И. В. Сталину, наркому иностранных дел В. М. Молотову, наркому обороны С. К. Тимошенко и начальнику Генерального штаба Г. К. Жукову⁷³.

Тревожные сообщения в Москву направлял советский военный атташе И. А. Суслопаров. Так, 27 марта 1941 г. он сообщил о том, что создаваемая немцами группировка войск направлена главным образом против Украины, которая должна стать продовольственной базой Германии⁷⁴. А 21 июня от него поступила информация, предоставленная ему руководителем нелегальной резидентуры военной разведки Л. Треппером, действовавшим во Франции: «По достоверным данным, нападение Германии на СССР назначено на 22 июня 1941 года»⁷⁵. На бланке этого донесения И. В. Сталин написал: «Эта информация является английской провокацией. Разузнайте, кто автор этой провокации, и накажите»⁷⁶.

Тревожные и в достаточной степени объективные донесения, как теперь можно судить, направлял в Центр генерал В. И. Тупиков, назначенный на должность военного атташе при посольстве СССР в Берлине в январе 1941 г. Во второй половине марта 1941 г. он направил в Москву «Доклад о боевом и численном составе развернутой германской армии и ее группировке по состоянию на 15.03.1941 г.», содержащий более 100 листов машинописного текста, 30 схем организационных структур боевых частей германской армии, состав общей группировки сил вермахта, схему группировки военно-воздушных сил Германии и другие военные сведения⁷⁷.

Во второй половине апреля в Москву поступил его очередной доклад «О группировке германской армии по состоянию на 25.04.1941»⁷⁸. Анализируя состояние советско-германских политических отношений, генерал В. И. Тупиков сообщал в Москву о том, что столкновение Германии с СССР — «вопрос сроков, и сроков не столь отдаленных», так как германское руководство, инициировавшее открытую антисоветскую пропагандистскую кампанию, не может на долгий период планировать устойчивость советско-германских отношений на антисоветской основе⁷⁹. Он подчеркивал, что группировка германской армии с осени 1940 г.

неизменно смещается на восток и приближается к советской западной границе. По оценке советского военного атташе, «качественное состояние вооруженных сил по признакам политико-моральным, обученности и оснащенности сейчас пребывает в зените, и рассчитывать, что оно продержится на этом уровне долгое время, у руководителей рейха нет оснований, так как уже теперь чувствуется, что малейшие осложнения, намекающие на возможную затяжку войны, вызывают острую нервозность среди широких слоев населения»⁸⁰. В своих докладах он сообщал: «1. В германских планах СССР фигурирует как очередной противник. 2. Сроки начала столкновения возможно более короткие и, безусловно, в пределах текущего года»⁸¹.

Достоверные сведения, свидетельствовавшие о подготовке Германии к войне против СССР, шли и от военного атташе при советском посольстве в Югославии генерала А. Г. Самохина. В начале марта 1941 г. он сообщал в Москву: «От министра двора в Белграде получены сведения о том, что германский генеральный штаб отказался от атаки Британских островов. Ближайшей задачей поставлено — захват Украины и Баку. К этому сейчас готовятся вооруженные силы Венгрии, Румынии и Болгарии»⁸².

В целом, деятельность военных атташе при дипломатических представительствах СССР в Берлине, Будапеште, Париже, Риме, Белграде по вскрытию подготовки нацистской Германии к нападению на Советский Союз характеризовалась поступлением в Центр в основном достоверных информационных донесений, составленных на основе сведений, полученных от различных источников. Среди них были министры, авторитетные журналисты, военные дипломаты США, Великобритании и других стран, руководители крупных военно-промышленных корпораций и сотрудники военных министерств. Советские военные атташе, действовавшие в столицах европейских государств, не имели доступа к секретным военным документам нацистской Германии, тем не менее в целом они правильно оценивали нарастание военной угрозы и информировали командование Красной армии о подготовке Германии к нападению на СССР.

В предвоенные годы успешно решал информационные задачи в Берлине военно-морской атташе капитан 1 ранга М. А. Воронцов. Весной 1941 г. он информировал Наркомат ВМФ о состоянии военно-морской промышленности Германии, реализации программ военно-морского строительства и базировании военно-морских сил Германии, а также направленности внешнеполитического курса руководства Третьего рейха⁸³. В мае 1941 г. в своих донесениях он неоднократно сообщал о подготовке фашистской Германии к войне против Советского Союза. Однако от него поступали не только достоверные, но и сведения, распространяемые Германией с целью дезинформации. Так, 15 мая 1941 г. он ошибочно сообщил в Москву о том, что столкновение с СССР до окончания войны Германии с Англией исключено, но уже 13 июня передал в Москву информацию о том, что «немцы в период с 21 по 24.06.1941 года наметили внезапный удар против СССР. Удар будет направлен по аэродромам, железнодорожным узлам и промышленным центрам, а также по району Баку»⁸⁴.

В середине июня 1941 г. военно-морской атташе М. А. Воронцов был вызван в Москву для личного доклада наркому ВМФ Н. Г. Кузнецову о состоянии военно-политической обстановки в Германии и возможных перспективах развития отношений между СССР и Германией. После окончания Великой Отечественной войны адмирал флота Советского Союза Н. Г. Кузнецов в своих мемуарах писал: «В 20.00 пришел М. А. Воронцов, только что прибывший из Берлина. В тот вечер Михаил Александрович минут 50 рассказывал мне о том, что делается в Германии. Повторил, что нападения надо ждать с часу на час. «Так что же все это значит?» — спросил я его в упор. «Это война!» — ответил он без колебаний»⁸⁵.

Таким образом, основными направлениями деятельности советских аппаратов военных, военно-воздушных и военно-морских атташе в предвоенный год являлись: решение информационных задач в военной и военно-политической области; оказание содействия в реализации двухсторонних межгосударственных договоров и соглашений в военной и военно-технической сфере; обеспечение визитов советских правительственных и военных делегаций; решение других представительских задач по заданиям Управления специальных заданий Генерального штаба Красной армии.

Участие военной дипломатии в организации международного сотрудничества

С началом Великой Отечественной войны советские военно-дипломатические представительства, действовавшие в европейских странах — союзниках фашистской Германии, были подвергнуты силовому воздействию со стороны органов контрразведки и полиции этих государств. В Берлине, Бухаресте, Будапеште, Риме и Хельсинки военно-дипломатические представительства были блокированы, а сотрудники аппаратов советских военных атташе интернированы. Своевременно и оперативно принятые военными атташе меры позволили уничтожить все документы, регламентировавшие деятельность военно-дипломатических представительств, а также всю их секретную переписку с Центром, шифры и коды.

В июне 1941 г. свою деятельность продолжили аппараты военных атташе при советских дипломатических представительствах в Болгарии, Великобритании, Швеции, Иране, Ираке, Афганистане, США, Китае и Японии. Были созданы новые военные аппараты, которые стали действовать в Аргентине, Канаде и Мексике.

Вероломное нападение Германии на Советский Союз внесло серьезные изменения в деятельность советской военной дипломатии. Главными задачами военно-дипломатических представительств стали: содействие формированию системы международного сотрудничества в условиях войны; обеспечение работы советских правительственных делегаций на международных конференциях; содействие военному и военно-экономическому сотрудничеству стран антигитлеровской коалиции; добывание сведений о военных планах нацистской Германии; оценка отношения правительств США и Великобритании к войне Германии против Советского Союза.

В июле — октябре 1941 г. внешнеполитические ведомства СССР, США и Великобритании приступили к поиску путей организации международного военного сотрудничества. Аппараты военных, военно-морских и военно-воздушных атташе тоже были подключены к решению этой важной и новой для них задачи. Первые переговоры о возможных перспективах и направлениях военного и экономического сотрудничества начались в конце июня 1941 г., когда в Москву прибыла английская военная и экономическая миссия во главе с послом С. Криппсом. В состав делегации входили генерал М. Макфарлэйн и контр-адмирал Дж. Майлс⁸⁶.

Встречаясь с руководителем британской делегации, нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов заявил о необходимости открытия союзниками второго фронта в Европе, целесообразности обусловить взаимную помощь в войне против фашистской Германии соглашением политического характера. Руководитель английской делегации на это предложение ответил уклончиво, дав лишь понять, что к политическому соглашению с СССР правительство Англии пока не готово. Обсуждался также вопрос и об организации военного сотрудничества между СССР и Великобританией.

27 июня 1941 г. нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов в ходе очередной встречи с С. Криппсом выразил заинтересованность СССР в усилении англичанами воздушных бомбардировок Германии. Вопрос о военном сотрудничестве в беседах с С. Криппсом поднимался трижды. Английский посол заявлял, что в принципе британское правительство готово сделать все, чтобы помочь советскому правительству в его борьбе против гитлеровской Германии. Вместе с тем он подчеркивал, что английский флот не может взяться за какую-либо операцию, не зная, в чем, собственно, она будет состоять.

Во время третьей встречи с В. М. Молотовым член британской делегации генерал М. Макфарлэйн заявил, что его задача состоит в том, чтобы поскорее получить подробные сведения о действиях и планах советских войск, и в этом случае английское командование выработает соответствующий план собственных военных операций.

Встречались члены британской военной миссии и с наркомом ВМФ Н. Г. Кузнецовым, при этом обсуждались проблемы безопасности северных морских коммуникаций, а также

были достигнуты соглашения об обмене военно-технической информацией по электромагнитным минам и достижениям в области радиолокации.

В ходе встреч В. М. Молотова и Н. Г. Кузнецова с британским посолом С. Криппсом сформировалась идея обмена между СССР и Великобританией военными миссиями, которым предстояло в перспективе решать все вопросы советско-британского сотрудничества в военной области. В Москве считали, что главная задача военных миссий должна была состоять в содействии усилиям правительств двух государств, направленным на взаимодействие в военной области и создание предпосылок, которые могли бы способствовать скорейшему открытию второго фронта в Европе⁸⁷.

12 июля 1941 г. в Москве было подписано соглашение «О совместных действиях правительства Советского Союза и правительства Его Величества в Соединенном Королевстве в войне против Германии»⁸⁸. При подписании этого соглашения присутствовали И. В. Сталин, заместитель наркома обороны Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников, нарком Военно-морского флота адмирал Н. Г. Кузнецов. По поручению английского правительства соглашение подписал британский посол в СССР С. Криппс, которого сопровождали сотрудники посольства и весь состав британской военно-экономической миссии в Москве. Советско-английское соглашение стало первым политическим документом, положившим начало формированию антигитлеровской коалиции. Подписание этого соглашения создало необходимую нормативно-правовую базу для последующего развития сотрудничества между СССР и Великобританией в войне против фашистской Германии и активизации взаимодействия аппаратов военных атташе.

Пребывание посла С. Криппса в Москве инициировало ответный визит в Лондон советской военной миссии. По решению И. В. Сталина руководителем этой миссии был назначен заместитель начальника Генерального штаба Красной армии генерал Ф. И. Голиков, который также был начальником Разведывательного управления Генерального штаба. Перед выездом из Москвы Ф. И. Голиков был принят наркомом иностранных дел СССР В. М. Молотовым, наркомом обороны Маршалом Советского Союза С. К. Тимошенко, наркомом внешней торговли А. И. Микояном и начальником Генерального штаба Красной армии Б. М. Шапошниковым. Накануне вылета в Лондон генерала Ф. И. Голикова пригласил для инструктивной беседы И. В. Сталин. В состав миссии также входили контр-адмирал Н. М. Харламов, полковник Н. Н. Пугачев, полковник В. М. Драгун, военный инженер 2 ранга П. И. Баранов⁸⁹.

Ф. И. Голиков прибыл в Лондон 8 июля 1941 г. и находился в британской столице четыре дня. Руководитель советской военной миссии провел переговоры с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом и руководителем военного ведомства Г. Маргесоном. Уже после окончания Великой Отечественной войны, вспоминая встречу с Г. Маргесоном, Ф. И. Голиков писал: «...бросались в глаза политические антипатии и нежелание военного министра Англии видеть Красную армию своим боевым союзником». Переговоры Ф. И. Голикова с начальниками штабов английских вооруженных сил в целом завершились положительно. Обещание У. Черчилля об оказании Советскому Союзу помощи в войне против фашистской Германии начало обретать конкретные формы⁹⁰.

Во время визита советской военной делегации в Лондон речь шла о достижении договоренности с английским правительством об организации совместных действий против общего противника. Советская делегация в ходе встреч с руководителями командования британских вооруженных сил пыталась добиться договоренности о последовательном осуществлении с участием британских вооруженных сил нескольких операций против германских войск. По поручению командования Красной армии Ф. И. Голиков настаивал на создании общего с англичанами фронта на севере Европы, куда, по мнению советской стороны, англичане могли бы направить свои военно-морские силы, авиацию и несколько пехотных дивизий. Советское правительство считало целесообразным занятие союзниками островов Шпицберген и Медвежий, что было необходимо для обеспечения морских коммуникаций между СССР и Великобританией, а также между СССР и США. Ф. И. Голиков также предложил представителям британского военного ведомства осуществить высадку войск на севере Фран-

ции, сообщив, что в Москве считают особенно важным осуществление этой «французской операции». В ходе встреч с представителями британского командования генерал Ф. И. Голиков говорил о необходимости начать боевые действия английских войск на Балканах, что позволило бы ослабить напряжение на советско-германском фронте⁹¹.

В результате работы, проделанной в Лондоне советской военной миссией Ф. И. Голикова, британское правительство уже в конце июля 1941 г. приняло решение передать Советскому Союзу 200 истребителей «Томагавк» из числа тех, которые поставили Англии Соединенные Штаты. Ф. И. Голиков добивался от британской стороны передачи СССР 700 истребителей «Томагавк», находившихся в то время в Каире, однако английское правительство эту просьбу отклонило, ссылаясь на недостаток своих боевых самолетов на Ближнем Востоке⁹². 20 июля британское адмиралтейство направило в Советский Союз минный заградитель «Адвенчур» с грузом глубинных бомб, магнитных мин, парашютов и других материалов. О других, ранее обещанных поставках в Советский Союз, Ф. И. Голикову в Лондоне договориться не удалось.

Визит миссии Ф. И. Голикова в Лондон не внес новых импульсов в процесс формирования системы военного сотрудничества СССР и Великобритании, в чем было крайне заинтересовано советское правительство. Тем не менее благодаря этой поездке советской военной миссии в Лондон все же удалось расширить взаимопонимание между представителями военных ведомств двух государств, закрепить рабочие контакты, заложить основы для формирования международного сотрудничества, первые контуры которого были определены в ходе визита в Москву британской военной и экономической миссии во главе с послом С. Криппсом. Переговоры позволили также определить параметры и основные направления советско-британского сотрудничества в военно-экономической области.

Поездка генерала Ф. И. Голикова и сопровождавших его офицеров в июле 1941 г. в Лондон явилась первой попыткой советской военной дипломатии в условиях начавшейся Великой Отечественной войны расширить взаимодействие с военными ведомствами государств, которые могли войти в состав антигитлеровской коалиции. Документы свидетельствуют, что английская сторона «нехотя пошла на то, чтобы связать себя военно-политическими обязательствами»⁹³. Во время нахождения советской военной миссии в Лондоне организацией ее деятельности в британской столице занимались сотрудники аппарата военного атташе при советском посольстве. Содействии генералу Ф. И. Голикову во время его встреч с британскими официальными лицами оказывали военный атташе полковник И. А. Склиров и его помощник майор Б. Ф. Швецов.

В середине июля 1941 г. по указанию И. В. Сталина генерал Ф. И. Голиков во главе военной миссии был направлен в Вашингтон для ведения переговоров с американскими официальными лицами. В ходе беседы И. В. Сталин четко определил задачи, которые должен был решить руководитель советской военной миссии во время переговоров с американскими официальными лицами. Советский Союз был заинтересован в приобретении в США отдельных образцов оружия, военной техники, военных материалов, продуктов и медикаментов. Ф. И. Голиков также должен был выяснить отношение американского правительства к формированию политического союза в форме антигитлеровской коалиции, способного добиться победы над фашистской Германией. Обеспечение деятельности советской военной миссии в Вашингтоне осуществлял военный атташе полковник И. М. Сараев.

Переговоры Ф. И. Голикова с представителями Государственного департамента и министерства обороны США проходили сложно. В то время американские официальные лица не верили в то, что Красная армия сможет сдержать натиск наступающих фашистских армий, переломить обстановку на фронте и добиться победы, поэтому они и не проявляли своей заинтересованности в оказании какой-либо помощи Советскому Союзу⁹⁴. В ходе визита в Вашингтон руководитель советской военной миссии с помощью советского посла К. А. Уманского добился встречи с Ф. Рузвельтом, которая состоялась 31 июля 1941 г. Ф. И. Голиков рассказал Ф. Рузвельту о трудностях, которые возникли во время переговоров с представителями министерства обороны и Госдепартамента США. Руководитель советской военной миссии попросил американского президента лично вмешаться в процесс налаживания советско-

американского сотрудничества, содействовать формированию реальной антигитлеровской коалиции, способной противопоставить фашистской Германии объединенные возможности демократических государств. В целом, в результате поездки в Вашингтон генералу Ф. И. Голликову удалось добиться позитивных результатов, которые определили контуры будущих договоров о поставках американских военных материалов в СССР.

Таким образом, визиты советской военной миссии в Лондон и Вашингтон оказали положительное влияние на развитие сотрудничества СССР с США и Великобританией в военной, военно-экономической и военно-политической сферах⁹⁵. Важным документом, расширявшим рамки сотрудничества СССР и Великобритании в войне против Германии, стал советско-английский договор «О союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны»⁹⁶, подписанный 26 мая 1942 г. в Лондоне. Договоренностей удалось достичь и с американской стороной: 11 июня 1942 г. было подписано соглашение между правительствами СССР и США «О принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии»⁹⁷.

Советско-британский и советско-американский договоры, подписанные в 1942 г., завершили формирование нормативно-правовой базы, на основе которой в последующие годы осуществлялось военное, военно-политическое и иное сотрудничество СССР, США и Великобритании в войне против нацистской Германии. Этими и другими подобными двусторонними соглашениями и договорами руководствовались в своей деятельности и аппараты советских военных атташе, действовавшие в Вашингтоне, Лондоне и столицах других государств, входивших в состав антигитлеровской коалиции. Этими же международными документами регламентировалась деятельность советских военных миссий, действовавших в Лондоне, при главкоме союзных войск в Италии, главнокомандующем Национально-освободительной армией Югославии, а также на завершающем этапе Второй мировой войны — при штабе американского генерала Д. Макартура.

Суровые условия Второй мировой войны заставили союзников по антигитлеровской коалиции использовать в борьбе против агрессора самые разнообразные формы военно-дипломатической деятельности. Сотрудники аппаратов военных атташе и военных миссий принимали активное участие в организации конференций глав государств и правительств, многосторонних и двусторонних рабочих встреч представителей военных ведомств, заседаний межправительственных рабочих органов по вопросам международного военного сотрудничества. Военные дипломаты, выполняя указания начальника Генерального штаба Красной армии, организовывали обмен разведывательными сведениями о противнике с союзниками, передавали захваченные образцы военной техники и оружия, содействовали обмену опытом в организации диверсионной борьбы в тылу противника.

Масштабной была деятельность советской военной миссии в Лондоне. Руководитель миссии контр-адмирал Н. М. Харламов лично занимался организацией конвойных операций, которые начались летом 1941 г. Он решал вопросы, связанные с поставками в СССР вооружения и военных материалов, контролировал их своевременную погрузку на транспорты и отправку в советские северные порты под охраной советских и британских кораблей сопровождения. 6 июня 1944 г. на одном из британских военных кораблей контр-адмирал Н. М. Харламов принял участие в форсировании Ла-Манша в районе Нормандии и лично присутствовал при высадке англо-американских войск на французское побережье⁹⁸. После завершения служебной командировки и возвращения Н. М. Харламова в Москву советскую военную миссию в Лондоне возглавил генерал А. Ф. Васильев.

12 июля 1942 г. советское правительство установило дипломатические отношения с Канадой, что создало предпосылки для расширения военного сотрудничества между двумя государствами и открытия в Оттаве аппарата военного атташе, руководителем которого был назначен полковник Н. И. Заботин.

Формирование антигитлеровской коалиции позволило консолидировать силы в войне против нацистской Германии, максимально использовать имевшиеся в распоряжении демократических государств ресурсы, своевременно принимать военные решения, адекватные

складывавшейся на фронтах обстановке. Были созданы и условия для активного военного сотрудничества, которое выражалось в координации усилий государств, воевавших против Германии и ее союзников, согласовании отдельных военных операций, использовании территорий дружественных стран для базирования воздушных и морских сил, обмена разведывательными сведениями.

Важнейшими событиями на пути формирования и становления антигитлеровской коалиции явились решения правительств Великобритании и США о поддержке СССР в войне против Германии, заключение советско-английского соглашения от 12 июля 1941 г., декларация 26 государств, советско-английский договор и советско-американское соглашение, подписанные в 1942 г.⁹⁹ В подготовке этих важных документов активное участие принимали и советские военные дипломаты.

Острые военные и военно-политические проблемы, возникавшие в отношениях между СССР, США и Великобританией, разрешались в ходе личных встреч И. В. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля во время международных конференций. В организации этих встреч активное участие принимали сотрудники Наркомата иностранных дел СССР, командование Генерального штаба Красной армии и Управления специальных заданий Генштаба, а также советские военные атташе и руководители военных миссий. Наиболее сложные и важные вопросы рассматривались в ходе работы Тегеранской (1943), Ялтинской (1945) и Потсдамской (1945) конференций¹⁰⁰. В организации этих конференций принимали активное участие сотрудники аппаратов советских военных атташе.

Наиболее сложно и трудно было организовать первую встречу лидеров СССР, США и Великобритании, которая проходила в Тегеране с 28 ноября — 1 декабря 1943 г. В период подготовки советской правительственной делегации к этой конференции важную роль сыграли аппараты военных атташе, которые действовали в Лондоне, Вашингтоне и Тегеране.

По заданию начальника Генерального штаба Маршала Советского Союза А. М. Василевского военные атташе генерал И. А. Скляров в Лондоне и полковник И. М. Сараев в Вашингтоне должны были информировать Генштаб Красной армии об основных военных вопросах, которые планировали обсудить в ходе дискуссий президент США Ф. Рузвельт и премьер-министр Великобритании У. Черчилль. Руководителя советской правительственной делегации, готовившейся к поездке в Тегеран, более всего интересовал один вопрос: когда же союзники примут на себя обязательство об открытии второго фронта в Европе?

Генерал И. А. Скляров первым направил ответ на запрос Центра. 9 октября 1943 г. он сообщил в Москву: «Второй фронт в Западной Европе не открывается по чисто политическим соображениям. Считается, что русские недостаточно ослаблены и все еще представляют собой большую силу, которой опасаются как в Англии, так и в Америке. В Англии уже создана 500-тысячная экспедиционная армия, которая содержится в полной готовности и которая обеспечена всем необходимым, в том числе и флотом для высадки на континенте... Более всего наши союзники боятся вторжения русских в Германию, так как это может, как здесь считают, вызвать коммунистические революции во всех странах Европы»¹⁰¹.

Эти сведения основывались на документах, полученных на доверительной основе офицером аппарата военного атташе. И. А. Склярову стало известно, что разработка плана вторжения союзных войск в Европу проходила вполне успешно и в целом была завершена в июле — августе 1943 г., когда на советско-германском фронте шло танковое сражение на Курской дуге. Изучая содержание плана операции «Оверлорд», И. А. Скляров обратил внимание на то, что в этом важном документе было всё, кроме сроков начала его реализации, и если бы англичане и американцы действительно хотели высадить свои экспедиционные войска во Франции летом 1943 г., то они могли бы это сделать.

И. А. Скляров имел в Лондоне широкие связи среди политических и военных деятелей, поддерживал дружеские отношения с военными дипломатами стран антигитлеровской коалиции. Многие из них обладали сведениями о Германии и ее вооруженных силах, что представляло интерес для Генерального штаба Красной армии. Бывая в британском военном ведомстве, на приемах в дипломатических миссиях, встречах с представителями британского

правительства, генерал И. А. Складов в ходе дружеских бесед с представителями союзников обменивался сведениями о Германии, текущих событиях на фронте и перспективах взаимодействия СССР, США и Великобритании. Для достижения победы над фашистской Германией нужно было знать не только когда, куда именно, сколько и какие дивизии направит А. Гитлер, но также понять и замыслы союзников СССР по антигитлеровской коалиции.

Ценные сведения направил в Центр и сотрудник аппарата военного атташе при советском посольстве в Вашингтоне майор Л. А. Сергеев. Он сообщил о том, что «Госдепартамент и военное командование не верят в возможность договориться с советским правительством по послевоенным вопросам. Они боятся, что Союз будет основной силой в Европе. Отсюда тенденция не спешить со вторым фронтом, дабы обескровить Советский Союз и диктовать ему свою политику»¹⁰².

Л. А. Сергееву удалось добыть подробные сведения о результатах переговоров президента США Ф. Рузвельта и премьер-министра Англии У. Черчилля в Квебеке. О позиции союзников по вопросу открытия второго фронта Л. А. Сергеев докладывал в Москву: «...руководители США и Англии решили в этом году второй фронт не открывать... Выражено согласие на созыв конференции с участием СССР, направленной по существу к затяжке времени. На этой конференции предполагается основным вопросом поставить послевоенные проблемы. На конференции союзники укажут, что в этом году открыть второй фронт через Францию и Голландию уже поздно и что единственная возможность для этого времени — весна 1944 года. Основным стимулом созыва конференции в Квебеке был неожиданный переход Красной армии в наступление»¹⁰³.

Указанные в донесении сведения свидетельствовали о том, что проект плана операции составлен, но ее проведение обуславливалось многими причинами. В частности, командования вооруженных сил США и Великобритании могли открыть второй фронт в Европе лишь тогда, когда нацистская Германия будет окончательно ослаблена войной против Советского Союза, германские войска не смогут оказать англо-американцам серьезного сопротивления и будут не в состоянии сдерживать наступление войск союзников. Эта информация оказалась полезной для подготовки главы советской делегации В. М. Молотова к переговорам с руководителями внешнеполитических ведомств США и Великобритании в ходе Московской конференции, которая проходила с 19 по 30 октября 1943 г.

Сведения, полученные военными дипломатами в Вашингтоне и Лондоне, объективно освещали отношение правительств США и Великобритании к открытию второго фронта и позволяли скорректировать подготовку советской правительственной делегации к Тегеранской конференции.

12 ноября генерал И. А. Складов сообщал в Центр: «На коктейле 10 ноября имел длительную беседу с бригадиром Киркман. Говоря о положении на западном фронте, я сказал, что теперь самый лучший момент нанести по Германии удар с запада и тем самым ускорить окончание войны. На вопрос, какой же момент вы считаете наиболее благоприятным для нанесения удара по Германии с запада, Киркман ответил, что таким моментом может стать развал Германии и ее неспособность вести эффективную оборону на западе. Я его спросил, не помешает ли высадке ваших войск плохая погода? На это он ответил, что в случае развала Германии мы высадим наши войска, несмотря ни на какую погоду»¹⁰⁴.

Вся информация, поступающая от военных атташе, как правило, докладывалась И. В. Сталину, В. М. Молотову и первому заместителю начальника Генерального штаба генералу армии А. И. Антонову и была учтена при подготовке советской правительственной делегации к переговорам с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем о сроках открытия второго фронта в Европе.

Важным условием принятия И. В. Сталиным окончательного решения о проведении встречи с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем были добытые разведчиками ГРУ сведения о позиции США и Великобритании по наиболее важным вопросам предстоящей конференции — в том числе о позиции союзников по Ирану. В подготовке Тегеранской конференции активное участие принимал советский атташе в Иране полковник Б. Г. Разин. В середине октября

1943 г. он сообщил в Москву о том, что сопровождал шаха Ирана Мохаммеда Реза Пехлеви во время посещения им советского гарнизона, дислоцированного в Мешхеде. Молодой монарх, которому в 1943 г. исполнилось 22 года, остался доволен встречей с советскими офицерами. На приеме, устроенном в его честь, шах заявил «о своей симпатии к Советскому Союзу и Красной армии».

Во время пребывания в Тегеране И. В. Сталин заслушал отчет военного атташе полковника Б. Г. Разина о его работе, интересовался общим состоянием иранской армии, рассказал о посещении шаха и мероприятиях по организации в Иране танковой и авиационной школ с нашей материальной частью и инструкторами. В ходе встречи с военным атташе руководитель советского правительства дал следующие указания: «Шах и его ближайшие помощники запуганы английским влиянием, но придерживаются нашей ориентации, что нужно поддерживать, поощрять их намерения и подтверждать нашей работой»¹⁰⁵. И. В. Сталин сообщил военному атташе, что советское правительство предполагает выделить иранцам около 20 самолетов и такое же количество танков, указал на необходимость подбирать иранские кадры, которые бы могли пройти обучение в СССР. В завершении беседы он сказал: «Внимательно смотрите за обстановкой и помогайте иранцам»¹⁰⁶.

Аппаратами советских военных атташе, действовавших в Лондоне и Вашингтоне, была проделана значительная работа и в период подготовки Ялтинской конференции, которая проходила в Крыму с 4 по 12 февраля 1945 г.¹⁰⁷ Военные атташе генерал И. А. Скляр, полковник И. М. Сараев и майор А. Ф. Сизов, который был назначен военным атташе при правительствах стран антигитлеровской коалиции, действовавших в Лондоне, подготовили и направили в январе 1944 г. в Москву значительное количество донесений, в которых были отражены цели и задачи правительств США и Великобритании на завершающем этапе Великой Отечественной войны.

Усилия военной дипломатии по организации военного сотрудничества с США и Великобританией

С первых дней Великой Отечественной войны советское правительство, организуя противодействие агрессору, проявило заинтересованность в организации военного сотрудничества с США и Великобританией. Советскому Союзу было крайне важно усилить противодействие гитлеровским войскам не только на советско-германском, но и на других фронтах, формирование которых зависело от воли и желания правительств Великобритании и США.

По мере изменения обстановки на советско-германском фронте, а также после внезапного нападения Японии на американскую военно-морскую базу Пёрл-Харбор, которое произошло 7 декабря 1941 г., в Вашингтоне и Лондоне отношение союзников к идее военного взаимодействия с Советским Союзом начало меняться.

Интересы верховного командования вооруженных сил США в Москве представляла военная миссия, деятельностью которой руководил генерал Дж. Дин. Британскую военную миссию в Москве в 1942–1944 гг. возглавлял генерал Ж. Мартель, а с 1944 по 1945 г. — генерал М. Б. Берроуз. Американские военные дипломаты в 1942 г. неоднократно высказывались за вступление Советского Союза в войну против Японии. С таким же настоятельным предложением обращались к И. В. Сталину президент Ф. Рузвельт в ходе работы Тегеранской и Ялтинской конференций, а также его преемник Г. Трумэн во время Потсдамской конференции.

Первым совместным актом военного характера можно считать введение в августе 1941 г. советских и английских войск в Иран. Эта военно-политическая операция была согласована правительствами СССР и Великобритании и проведена командованиями вооруженных сил этих стран в целях недопущения использования гитлеровской Германией территории Ирана

для реализации своих планов в войне против СССР и последующего завоевания Британской Индии¹⁰⁸. Несмотря на то что правительство Ирана 26 июня 1941 г. заявило о своем нейтралитете, в Москву от советского военного атташе, действовавшего в Тегеране, поступали сведения об активизации германской военной разведки в Иране, посещении Тегерана адмиралом В. Канарисом, а также о том, что профашистские силы в Иране готовились осуществить государственный переворот¹⁰⁹. Подобное развитие событий в Иране могло создать угрозу использования иранских аэродромов германской военной авиацией для нанесения ударов по объектам советского тыла.

Правительство Великобритании опасалось потерять свой контроль над нефтяными промыслами в Иране, которые осуществляли крупнейшие британские нефтяные компании. Поэтому, когда в Иране мятеж профашистских сил был подавлен, У. Черчилль заявил о желательности с «русскими провести совместную кампанию»¹¹⁰ в Иране и поручил 11 июля объединенному комитету начальников штабов вооруженных сил Великобритании рассмотреть вопрос о возможности проведения совместно с Советским Союзом операции в Иране. В предварительном порядке этот вопрос обсуждался И. В. Сталиным в беседах с британским послом С. Криппсом, когда оценивались возможности поставок британских военных грузов в СССР не только по северному пути в Архангельск или Мурманск, но и через Персидский залив и территорию Ирана. Советский посол И. М. Майский также обсуждал этот вопрос с У. Черчиллем. Советское правительство, принимая решение о вводе войск в Иран, действовало на основании советско-иранского договора, подписанного 26 февраля 1921 г.

25 августа 1941 г. силы Красной армии вступили на территорию Ирана. В операции принимали участие войска нескольких армий и советская авиация, а также корабли Каспийской флотилии. В тот же день на территорию Ирана вступили англо-индийские войска. Они оккупировали юго-западные территории Ирана и порты в Персидском заливе.

30 августа У. Черчилль в личном секретном послании сообщал И. В. Сталину: «При всей важности защиты нефтяных источников целью нашего вступления в Персию было в еще большей степени стремление установить еще один сквозной путь к вам, который не может быть перерезан»¹¹¹. Отвечая на послание У. Черчилля, И. В. Сталин 3 сентября так оценил совместную советско-английскую военную операцию: «Дело с Ираном действительно вышло неплохо. Но Иран — только эпизод. Судьба войны будет решаться, конечно, не в Иране»¹¹².

Введение контингента советских войск в Иран потребовало расширения деятельности сотрудников аппарата военного атташе, которым руководил полковник Б. Г. Разин. Советские военные дипломаты проводили разъяснительную работу среди офицеров иранских вооруженных сил, с которыми им приходилось общаться, а также представителями местной власти, объясняя им цели присутствия советских войск на территории Ирана.

Дальнейшее военное сотрудничество между СССР, Великобританией и США строилось на основе подписанных двухсторонних соглашений и договоров, но осуществлялось с преодолением значительных условностей и трудностей как объективного, так и субъективного характера. Это сотрудничество осуществлялось по разным линиям и в различных формах. Суть его состояла в согласовании военных усилий по разгрому фашистской Германии на суше, на море и в воздухе. В 1942–1943 гг. военное взаимодействие наиболее активно осуществлялось в сфере обеспечения безопасности северных морских коммуникаций и конвоев и проведения челночных бомбардировок с использованием советских военных авиабаз.

В Лондоне этой работой занимался контр-адмирал Н. М. Харламов. В августе 1943 г. он был вызван в Москву для доклада и во время пребывания в столице приглашен на прием к И. В. Сталину. В ходе беседы с Верховным главнокомандующим контр-адмирал обратился с просьбой направить его на действующий флот. Указав на важность работы, которую выполняет Н. М. Харламов в качестве главы советской военной миссии, И. В. Сталин сказал, что его просьба может быть удовлетворена только после того, как войска союзников высадятся во Франции¹¹³.

Находясь на военно-дипломатической работе с 1941 по 1944 г., контр-адмирал Н. М. Харламов, возглавляя советскую военную миссию в Лондоне, активно добивался «налаживания

тесного взаимодействия с союзниками по антигитлеровской коалиции, в первую очередь с англичанами. Здесь плечом к плечу с работниками Наркомата иностранных дел он прошел все перипетии дипломатической борьбы за открытие второго фронта», внес большой вклад «в организацию и обеспечение северных морских коммуникаций, поставок вооружения и стратегических материалов»¹¹⁴.

Аппараты военных атташе и военных миссий, действовавших в Лондоне, Москве и Вашингтоне, решали вопросы, связанные с нанесением авиацией союзников бомбовых ударов по военным объектам противника. Авиационные подразделения и группы трех государств действовали самостоятельно. Совместными усилиями Генерального штаба Красной армии и представителей главного командования США были согласованы вопросы обеспечения челночных операций американских бомбардировщиков, вылетающих с баз Средиземноморья, и их посадки на советские аэродромы, дислоцированные на территории Украины, для дозаправки и получения нового боевого запаса. При обратном перелете к своим авиабазам в Великобритании эти самолеты наносили бомбовые удары по военным объектам противника¹¹⁵.

Практика челночных операций себя полностью оправдала и за исключением некоторых мелких недоразумений, возникавших в ходе переговоров генерала Дж. Дина с советскими официальными лицами, наносила противнику ощутимый урон, одобрялась и поддерживалась советским командованием. Для базирования бомбардировщиков союзников на советской территории в 1944 г. были определены авиабазы в районе Полтавы, Миргорода и Пирятина. Эти три населенных пункта были практически полностью разрушены в период оккупации их германскими войсками, и рассчитывать на какие-либо удобства американские летчики не могли. Главную резиденцию представители американского командования 15 апреля 1944 г. разместили в Полтаве, где им оказывали всю возможную помощь сотрудники Управления специальных заданий Генерального штаба и генерал Н. В. Славин.

В конце мая 1944 г. аэродромы были полностью оборудованы и в преддверии форсирования англо-американскими войсками пролива Ла-Манш начались челночные операции американских бомбардировщиков. Через канал военных миссий США и Великобритании в Москве командование союзников не позднее чем за двое суток информировало Генеральный штаб Красной армии о том, когда и какие именно объекты (населенные пункты, аэродромы, транспортные узлы, промышленные предприятия) на территории Германии планируется подвергнуть бомбовым ударам¹¹⁶.

Представители военных миссий США и Великобритании по указанию своих штабов иногда информировали советское командование о результатах нанесенных авиационных ударов по объектам противника. Например, 28 февраля 1944 г. исполнявший обязанности главы британской военной миссии контр-адмирал Д. Фишер и глава военной миссии США генерал Дж. Дин направили генералу Н. В. Славину для доклада начальнику Генерального штаба Красной армии обобщенный отчет об объединенных бомбардировках американской и британской авиацией объектов на территории Германии¹¹⁷. В нем, в частности, указывалось, что в январе 1944 г. бомбардировочная авиация союзников в ходе шести налетов сбросила на Берлин 10 571 тонну бомб. В результате этих налетов было выведено из строя «большое количество заводов, производящих авиамоторы и детали самолетов»¹¹⁸. В ходе ударов по Берлину, совершенных в ноябре 1943 г., было, «как показала фоторазведка, разрушено до 4% зданий Берлина, а приблизительно 14% серьезно пострадало»¹¹⁹.

Взаимодействие в области совместного использования военно-воздушных баз осуществлялось и на других направлениях. Так, реализуя военные решения Тегеранской конференции, Государственный Комитет Обороны принял решение в целях оказания помощи Национально-освободительной армии Югославии (НОАЮ) создать советскую авиационную группу на базе союзников в городе Бари¹²⁰. В состав авиационной группы особого назначения включалась эскадрилья военно-транспортных самолетов, предназначавшихся для переброски военных грузов для югославской армии.

Одновременно были согласованы условия создания при штабе маршала И. Б. Тито советской военной миссии. Британское внешнеполитическое ведомство попросило наркома

иностранных дел СССР В. М. Молотова предоставить подробные сведения о персональном составе будущей миссии. Генерал Н. В. Славин сообщил в Лондон, что главой миссии при штабе И. Б. Тито назначен генерал Н. В. Корнеев, его заместителем — генерал А. П. Горшков, вторым заместителем — генерал С. В. Соколов. Советская военная миссия при штабе И. Б. Тито должна была «ознакомиться с существующим положением и собирать необходимую информацию для советского правительства»¹²¹. Об этом нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов также сообщил в Лондон. Британская военная миссия уже действовала при штабе НОАЮ.

По мере освобождения балканских и средиземноморских стран от германской оккупации расширялась сфера деятельности советской военной дипломатии в этом регионе. Там, где не было возможности создавать военные миссии, для установления контактов с руководителями антифашистских сил представители Генерального штаба Красной армии направлялись в качестве офицеров связи. Они должны были действовать при штабах национальных сил Сопротивления, обеспечивать по мере необходимости их связь с Москвой, решать другие задачи и оценивать состояние и перспективы развития внутривойсковой обстановки. То есть фактически выполнять задачи военно-дипломатического характера.

В начале 1945 г., например, в качестве представителя Генерального штаба Красной армии при верховном штабе Народно-освободительной армии Албании был назначен майор К. П. Иванов. Сообщения этого офицера в Центр о внутривойсковой обстановке в Албании были в достаточной степени точны, своевременны и часто использовались для подготовки донесений И. В. Сталину. В одном из сообщений, например, майор К. П. Иванов доложил в Москву о трудной обстановке в Албании и силах, которые мешали нормализации ситуации в стране: «Ухудшающееся с каждым днем продовольственное положение и экономическая зависимость крестьян от беев, сохранившаяся вследствие непроведения до сего времени земельной реформы, создают угрозу перехода части населения на сторону реакции. Создающееся внутривойсковое положение усугубляется вмешательством англичан во внутреннюю жизнь Албании»¹²².

Приближавшийся весной 1945 г. крах Третьего рейха спровоцировал усиление борьбы за раздел «наследства» гитлеровской Германии. В связи с этим в Албании, в ее территориальных водах, активизировались военные формирования британских вооруженных сил. Эти изменения замечал и правильно оценивал майор К. П. Иванов. Используя его донесения в Центр, начальник Главного разведывательного управления генерал И. И. Ильичев докладывал И. В. Сталину: «Майор Иванов сообщает, что в Албании и албанских территориальных водах не прекращается провокационная деятельность англичан. В конце января 1945 года английскими военными кораблями в районе порта Саранда в одном километре от берега была захвачена шедшая с грузом албанская баржа. Спустя несколько дней этот же корабль захватил другую баржу с войсками албанского правительства и попытался разоружить находившихся на ней солдат и офицеров»¹²³. Также в сообщении говорилось: «На днях небольшая группа английских солдат, возглавляемая офицером, пыталась высадиться без разрешения албанского правительства и местных властей на побережье Албании. Эта попытка не удалась». Офицер связи при верховном штабе Народно-освободительной армии Албании майор К. П. Иванов весной 1945 г. в целом объективно докладывал в Москву о состоянии обстановки в Албании и обеспечивал по мере необходимости связь албанского штаба с Генеральным штабом Красной армии. Его информационные донесения свидетельствовали о том, что уже весной 1945 г. англичане прилагали максимум усилий, чтобы создать в Албании правительство, в котором влияние Советского Союза было бы сведено к минимуму¹²⁴.

В это же время в Греции действовали советские офицеры связи подполковники Г. М. Попов и В. А. Троян, присутствие которых в этой стране вызвало недовольство британского МИДа, о чем свидетельствуют обращения министра иностранных дел А. Идена и посла в СССР А. Керра в Наркомат иностранных дел СССР. Руководители британской дипломатии просили предоставить им сведения «о посылке советской миссии в Грецию, а также разъяснение по поводу посылки советской миссии в Албанию». Советский посол в Лондоне

Ф. Т. Гусев посетил 5 сентября 1944 г. британского министра иностранных дел и вручил ему ответ по поводу прибытия советских военных дипломатов в Грецию¹²⁵.

Важную роль в переговорах советского посла в Швеции А. М. Коллонтай с представителем Финляндии о выходе ее из войны на стороне фашистской Германии сыграл военный атташе подполковник Н. И. Никитушев. Действуя в годы Великой Отечественной войны в столице Швеции, он активно поддерживал рабочие контакты с военными атташе Великобритании и США. Установив, что немецкое командование тайно использует территорию нейтральной Швеции для переброски своих войск из Норвегии в Финляндию и обратно, а также воздушное пространство Швеции для немецкой боевой авиации, военные дипломаты трех государств антигитлеровской коалиции инициировали усилия своих правительств, направленные на запрещение немецких транзитных перевозок. Весной 1944 г. переброски немецких войск через Швецию прекратились¹²⁶. После выхода Финляндии из войны подполковник Н. И. Никитушев установил контакты с финским военным атташе и до окончания Великой Отечественной войны поддерживал с ним взаимовыгодные отношения.

В годы войны в трудных условиях действовал в Софии аппарат советского военного атташе, которым руководил полковник С. Д. Зотов. В январе — апреле 1945 г. он направил в Москву несколько важных донесений об обстановке в Болгарии, которые были доложены И. В. Сталину, а также наркому иностранных дел СССР В. М. Молотову и Г. М. Димитрову¹²⁷.

Выход Венгрии из состава союзников Германии сопровождался рядом серьезных проблем. Офицеры штаба США и Великобритании, который находился в Казерте, первыми установили контакты с представителями регента Венгрии адмирала М. Хорти. За семь дней до вылета официального представителя М. Хорти в Казерту американский посол в Москве У. Гарриман информировал наркома иностранных дел В. М. Молотова об условиях, на которых венгерское правительство могло бы заключить перемирие. В Москве критически отнеслись к предложениям венгерской стороны, которая требовала предоставить время для вывода из Венгрии частей германской армии и сохранить венгерским вооруженным силам оружие и снаряжение, «чтобы дать им возможность поддерживать порядок в Венгрии и защищать страну от возможного немецкого нападения»¹²⁸. Не вызывало сомнения, что представители адмирала М. Хорти, сотрудничавшего с А. Гитлером на протяжении всей войны против СССР, не хотели бы допустить прихода Красной армии на территорию Венгрии.

Нарком иностранных дел СССР сообщил союзникам, что советское правительство в принципе не возражает против переговоров с представителем Венгрии в Италии, если он обладает законными полномочиями. Однако у прибывшего в Казерту 23 сентября венгерского генерал-полковника И. Надаи официальных документов, удостоверяющих его полномочия, не оказалось. Тем не менее англичане предложили СССР и США приступить к переговорам.

25 сентября 1944 г. на одном из участков 4-го Украинского фронта, которым командовал генерал армии И. Е. Петров, произошло событие, которое, как выяснилось, тоже имело отношение к проблеме выхода Венгрии из гитлеровской коалиции. Через линию фронта ночью перешла группа венгров, являвшихся членами неофициальной делегации венгерских патриотов, которой руководил барон Э. Ацел. Среди них были инженер И. Дудаш, книгоиздатель И. Фауст и сотрудник одного из банков А. Глессер. Венгры прибыли на территорию, занятую советскими войсками, для выяснения возможностей и желания советского командования принять официальную венгерскую делегацию. Цель прибытия — обсуждение условий заключения перемирия. С членами венгерской неофициальной делегации встретился командующий фронтом генерал армии И. Е. Петров, затем венгерских парламентариев направили в Москву, где их принял представитель международного отдела Центрального комитета ВКП(б).

После окончания переговоров делегация барона Э. Ацела возвратилась в Венгрию, а через некоторое время на одном из участков 1-го Украинского фронта, которым командовал Маршал Советского Союза И. С. Конев, на советскую сторону прибыла официальная венгерская делегация во главе с генерал-полковником Г. Фараго. Маршал И. С. Конев встретился с руководителями делегации, имел с ним беседу и организовал вылет венгров в

Москву. 5 ноября начались переговоры, в которых принял участие заместитель начальника Генерального штаба генерал армии А. И. Антонов¹²⁹.

В первый день переговоров руководитель венгерской делегации сообщил, что Венгрия готова прекратить военные действия против Советского Союза и вместе с советскими войсками воевать против немцев, а также предоставить советским войскам возможность свободного продвижения по территории Венгрии в любом направлении¹³⁰. 6 октября 1944 г. нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов вручил главам дипломатических миссий Великобритании и США памятную записку, в которой сообщил о начавшихся переговорах и заявлениях руководителя венгерской делегации. В ходе переговоров советское правительство предложило поручить заключение перемирия представителям СССР, США и Великобритании, выработать условия и, если венгерское правительство примет эти предварительные условия, подписать их в Москве.

Германское командование делало всё, чтобы не допустить выхода Венгрии из войны, удержать венгерскую столицу и особенно нефтяной район Надьканижа. В Будапеште был осуществлен государственный переворот. Замена адмирала М. Хорти на лидера организации «Скрещенные стрелы» Ф. Салаши оказала неоднозначное влияние на солдат и офицеров венгерской армии. Командование вермахта поддержало Ф. Салаши и считало главной задачей войск группы армий «Юг» задержать продвижение советских войск в Венгрии и не допустить их к юго-восточным границам Германии¹³¹.

В ходе военных операций в Европе связь командования Красной армии с национальными силами Сопrotивления осуществляли: в Югославии — генерал Н. В. Корнеев, в Словакии — майор И. И. Скрипка¹³², в Чехии — майор А. В. Фомин¹³³, в Польше — лейтенант И. А. Колос¹³⁴. Военно-дипломатическая работа этих генералов и офицеров была связана с выполнением ответственных заданий и проходила в условиях боевой обстановки.

Находясь при штабе И. Б. Тито, генерал Н. В. Корнеев, например, осуществлял связь между руководителем Национально-освободительной армии Югославии и И. В. Сталиным. Так, 5 июля 1944 г., когда генерал Н. В. Корнеев был вызван в Москву для доклада о положении дел в Югославии, И. Б. Тито передал ему два письма, одно из которых было адресовано И. В. Сталину, а второе — наркому иностранных дел СССР В. М. Молотову.

В письме И. В. Сталину И. Б. Тито сообщал: «Заверяю Вас, что прибытие Вашей военной миссии в Югославию имело для нашей национально-освободительной борьбы большое значение, поскольку и наши народы, и наша армия еще больше убедились в том, что в лице Советского Союза они имеют самого большого и самого искреннего друга. Хотя глава Вашей военной миссии генерал Корнеев будет подробно докладывать Вам о положении дел здесь, я все же хотел бы остановиться на нескольких наиболее важных вопросах»¹³⁵. Далее он изложил ряд вопросов и высказал предложение о необходимости их обсуждения в Москве.

В письме В. М. Молотову лидер югославского Сопrotивления высоко оценил дипломатическую и материальную помощь, оказанную Советским Союзом Югославии ранее, и выразил надежду, что эта помощь будет предоставляться и в будущем, так как «она в эти судьбоносные дни необходима больше, чем когда бы то ни было», что «НОАЮ быстро увеличивается, и, если мы вовремя получим оружие, у нас в Сербии будет в короткий срок не менее 10 дивизий»¹³⁶.

Находясь в Москве, генерал Н. В. Корнеев поддержал предложение о визите И. Б. Тито в Москву и обосновал необходимость расширения материальной помощи югославской армии. Рекомендации главы советской военной миссии при штабе НОАЮ были учтены советским правительством. Государственный Комитет Оборона 7 сентября 1944 г. принял постановление о расширении помощи Югославии. В нем, частности, указывалось: «В целях улучшения практической работы по снабжению НОАЮ, лучшей организации подготовки кадров офицерского и сержантского состава специалистов в СССР и переправки их в Югославию ГКО постановляет: «Сформировать спецотдел НКО численностью 15 военнослужащих и три вольнонаемных. Начальником СО утвердить тов. Беднякова А. Ф. Подчинить СО НКО начальнику Главного разведывательного управления»¹³⁷.

Генерал Н. В. Корнеев сопровождал маршала И. Б. Тито во время его визита в Москву, который начался 21 сентября 1944 г. В целом, советская военная миссия во главе с генералом Н. В. Корнеевым в годы Великой Отечественной войны внесла существенный вклад в развитие военного и военно-политического сотрудничества между СССР и Югославией.

Лейтенант И. А. Колос был направлен в Варшаву, где вспыхнуло вооруженное восстание, организованное польским правительством в эмиграции. Это восстание было слабо организовано, не имело необходимой материальной поддержки от англо-американцев, в связи с чем и обречено на полный провал. По просьбе премьер-министра С. Миколайчика, который в это же время побывал в Москве и имел встречу с И. В. Сталиным, советское правительство решило оказать помощь восставшим полякам. Прибыв в Варшаву 21 сентября 1944 г., лейтенант И. А. Колос установил контакт с руководством восставших, обеспечил связь с командованием 1-го Белорусского фронта, координировал поставки по воздуху в Варшаву советских военных грузов, оружия, патронов и продовольствия¹³⁸, а также выполнял некоторые другие задачи, часть из которых вполне можно было отнести к военно-дипломатической сфере. Спецкомандировка И. А. Колоса в восставшую Варшаву завершилась 2 октября 1944 г. Через 20 лет, в 1964 г., правительство Польской Народной Республики наградило И. А. Колоса орденом «Крест Храбрых», а в 1994 г. Правительство Российской Федерации присвоило И. А. Колосу звание Героя России¹³⁹.

В начале 1944 г. активизировались контакты по военной линии между СССР, США и Великобританией. Выполняя решения Тегеранской конференции, генеральные штабы трех государств приступили к окончательному планированию стратегических наступательных операций на советско-германском и западном фронтах. Эти операции должны были начаться приблизительно в одно и то же время и преследовать единую цель — нанести германской армии сокрушительное поражение и приблизить победное окончание войны в Европе.

Союзники готовились провести летом 1944 г. высадку англо-американских войск в Нормандии, освободить Францию и развернуть наступление в направлении Берлина. А советский Генеральный штаб планировал в это время операцию «Багратион», направленную на полное освобождение Белоруссии от немецких войск и перенос боевых действий на территорию стран Восточной Европы.

Согласование мероприятий, которые должны были организовать и провести генеральные штабы в области дезинформации германского верховного командования весной 1944 г., осуществлялось посредством военных миссий США и Великобритании в Москве. Руководителями этих миссий поддерживались контакты с начальником Управления специальных заданий Генерального штаба Красной армии генералом Н. В. Славиним. По заданию британского имперского генерального штаба глава военной миссии генерал М. Берроуз в марте — апреле неоднократно обращался к генералу Н. В. Славину по вопросам организации совместных усилий, направленных на введение противника в заблуждение. Сотрудничество весной 1945 г. с главой английской военной миссии было четким, интенсивным и результативным. В одном из своих посланий генералу Н. В. Славину генерал М. Берроуз выразил свое удовлетворение проделанной работой, которая оказалась, по мнению британского генерального штаба, чрезвычайно полезной в период проведения операции «Оверлорд»¹⁴⁰.

Глава американской военной миссии генерал Дж. Дин был недоволен интенсивностью подготовки советского Генерального штаба к операции «Оверлорд». Прибыв в апреле 1944 г. в Вашингтон, он сообщил о своем субъективном впечатлении американскому командованию. Официальный представитель объединенного штаба американских вооруженных сил пригласил советского военного атташе генерала И. М. Сараева и сообщил ему о мнении генерала Дж. Дина. По этому поводу генерал И. М. Сараев докладывал в Москву: «Глава военной миссии США в Москве генерал Дин вернулся в Вашингтон и доложил о напруженных взаимоотношениях в Москве. Дин считает, что только крупное изменение политики в отношении русских может повлиять на улучшение взаимоотношений и условий для работы»¹⁴¹.

В ходе проведения стратегических наступательных операций на западном и советско-германском фронтах взаимодействие по военно-дипломатической линии продолжалось.

Контр-адмирал Н. М. Харламов был приглашен для участия в форсировании пролива Ла-Манш¹⁴², а генерал Дж. Дин вместе с генералом Н. В. Славным посетил штаб командующего 3-м Белорусским фронтом генерал-полковника И. Д. Черняховского. Суммируя свои впечатления о поездке на фронт, генерал Дж. Дин не без удовлетворения писал: «Совместные бомбардировки западных союзников лишили немцев нефти, поэтому большинство немецких артиллерийских и транспортных средств, которые мы видели, использовали лошадей. Таким образом, русским, с их превосходящим моторизованным и механизированным вооружением, удалось превосходить немцев в маневренности и живой силой, и техникой. К этому же следует учесть и американскую помощь. Кроме уже упомянутых грузовых автомобилей в городе находилось большое количество американских танков «Шерман», подбитых огнем немецкой артиллерии, и стоявших без движения»¹⁴³.

Вопросы военного сотрудничества Советского Союза с Великобританией и США обсуждались в ходе работы Ялтинской конференции, проходившей 4–11 февраля 1945 г., и Потсдамской конференции, состоявшейся в июле 1945 г. В преддверии боевых действий на Дальнем Востоке члены американской делегации выдвинули ряд выгодных для них предложений. Первое из них заключалось в том, чтобы Советский Союз разрешил США создать на его территории две станции слежения за погодой: одну — в Хабаровске, другую — в Петропавловске. Еще два предложения относились к согласованию северной границы для проведения морских и воздушных операций вооруженными силами США и СССР. Четвертое предложение касалось создания группы связи для организации взаимодействия между штабами союзников на Дальнем Востоке. Пятая просьба была связана с договоренностью об использовании советских авиа- и морских опорных пунктов¹⁴⁴. Все эти предложения были разработаны руководителем американской военной миссии в Москве генералом Дж. Дином. По окончании первого заседания адмирал У. Леги вручил список с этими просьбами начальнику Генерального штаба Красной армии генералу армии А. И. Антонову.

На втором заседании генерал армии А. И. Антонов сообщил американцам, что маршал И. В. Сталин передал президенту Г. Трумэну ответ на вопросы комитета начальников штабов США. По просьбе американских военных генерал армии А. И. Антонов изложил соображения советского Генерального штаба об обслуживании американских метеостанций сокращенным составом специалистов. Получило одобрение предложение и об обмене группами офицеров связи между советским и американским главными штабами. Представителем Ставки Верховного командования на Дальнем Востоке при штабе генерала Д. Макартура был назначен генерал К. Н. Деревянко.

Американские радио- и метеорологические станции были размещены там, где и просил адмирал У. Леги¹⁴⁵. Когда же Советский Союз обратился к правительству США с просьбой об открытии подобных советских станций на американской территории, это предложение было отвергнуто под предлогом того, что американское законодательство запрещает размещать на территории США иностранные военные объекты.

После того как американцы сбросили атомные бомбы на японские города Хиросиму и Нагасаки, советские военные дипломаты, действовавшие в японской столице, получили из Москвы задание собрать сведения о результатах атомных бомбардировок. В 1945 г. аппарат военного атташе в Токио возглавлял подполковник К. П. Сонин, а его помощником был капитан А. Ф. Косицын. Аппарат военно-морского атташе при посольстве СССР в Токио возглавлял капитан 1 ранга А. И. Родионов, переводчиком в этом аппарате был лейтенант Н. П. Кикенин, свободно владевший японским языком.

Выполняя задание, военные дипломаты посетили разрушенные бомбардировками Хиросиму и Нагасаки¹⁴⁶. Несколько позже эти опустевшие населенные пункты посетил и военный атташе подполковник К. П. Сонин. В отчетах о посещении Хиросимы и Нагасаки офицеры военного и военно-морского атташе подробно описали увиденное, оценили причиненные разрушения и предоставили собранные образцы, которые были необходимы советским ученым¹⁴⁷.

В годы Великой Отечественной войны целеустремленно решали ответственные задачи аппараты военных и военно-морских атташе, которые действовали в нейтральных стра-

нах — Афганистане, Швеции и Турции. На протяжении всей войны в Анкаре, например, активно действовал аппарат военного атташе, который возглавлял полковник Н. Г. Ляхтеров, назначенный на эту должность после возвращения в Москву из Будапешта. Находясь на военно-дипломатической работе в Анкаре, он поддерживал рабочие контакты с представителями военных, дипломатических и правительственных кругов Турции, разъяснял внешнеполитический курс советского правительства, направленный на достижение победы над гитлеровской Германией, разоблачал попытки германской дипломатии и военной разведки втянуть нейтральную Турцию в войну против Советского Союза, обеспечивал выполнение официальных запросов как советского Генерального штаба к турецкой стороне, так и высшего турецкого командования, обращавшегося с различными просьбами к командованию Красной армии. Такие же задачи решал аппарат советского военно-морского атташе при посольстве СССР в Турции, которым руководил контр-адмирал К. К. Родионов, в конце 1945 г. назначенный советским послом в Греции и руководивший деятельностью этого посольства до сентября 1947 г.

На завершающем этапе Великой Отечественной войны значительную информационно-пропагандистскую работу среди местного населения проводили члены военных советов фронтов, которые после изгнания немецких войск с территории Советского Союза освободили Польшу, Австрию, Чехословакию, Венгрию, Румынию и другие европейские государства. Члены военных советов фронтов взаимодействовали с местными органами национального управления, оказывали им помощь в организации их деятельности, разъясняли внешнеполитический курс советского правительства, выполняя, по сути, широкий круг дипломатических задач, решение которых способствовало нормализации жизни в этих странах.

Аппаратами советских военных, военно-морских и военно-воздушных атташе руководили высокообразованные офицеры и генералы Красной армии, а также офицеры и адмиралы Военно-морского флота. Благодаря их усилиям и усердию, профессиональному подходу к решению военно-дипломатических задач удавалось своевременно устранять противоречия, которые возникали между военными ведомствами стран антигитлеровской коалиции, укреплять их взаимодействие и создавать благоприятные предпосылки для развития международного сотрудничества в военной и военно-экономической областях.

В годы Великой Отечественной войны советское правительство осуществляло военно-экономическое и техническое сотрудничество с США, Великобританией и Канадой, которое строилось на основе договоров и соглашений. Военные и иные материалы по ленд-лизу поступали в СССР по трем маршрутам: северному, южному — «Персидский коридор» и дальневосточному — через Тихий океан. Наиболее активно использовались южный и северный маршруты, позволявшие, насколько это было возможно, сокращать время поставок в СССР оружия, военной техники, боеприпасов, продовольствия и медикаментов.

В Лондоне вопросы, подлежавшие согласованию, с британскими представителями обсуждал глава советской военной миссии контр-адмирал Н. М. Харламов. Он успешно выполнял эти задачи. В своей деятельности в Лондоне контр-адмирал Н. М. Харламов руководствовался указаниями Главного морского штаба ВМФ СССР, который совместно с представителями ВМС Великобритании разработал основы взаимодействия английских и советских кораблей в северных водах. Н. М. Харламов поддерживал постоянные контакты с британским адмиралтейством и оперативно решал все вопросы организации и защиты союзных конвоев. В 1943 г. контр-адмиралу Н. М. Харламову довелось обеспечивать транзит через Панамский канал пяти советских подводных лодок из Владивостока на Северный флот. Во время стоянки в одной из военно-морских баз в Великобритании на эти лодки было установлено новое английское оборудование (гидроакустика и радиолокация).

В целом, военно-экономическое и военно-техническое сотрудничество стран антигитлеровской коалиции, осуществлявшееся в годы Великой Отечественной войны, являлось дополнительным фактором, который способствовал достижению победы Советского Союза в войне против фашистской Германии. Координацией усилий в этой области также занимались главы советских военных миссий в Великобритании, США и Канаде.

Сотрудничество в области обмена сведениями о противнике военно-дипломатических служб СССР, США и Великобритании, в которое также были вовлечены военные дипломаты Бельгии, Чехословакии, Польши, Югославии, а также некоторых других стран антигитлеровской коалиции, являлось важным направлением, обеспечивавшим деятельность армий союзников в войне против фашистской Германии. Это взаимодействие регламентировалось двухсторонними соглашениями и договорами¹⁴⁸, строилось на взаимовыгодной основе, развивалось не без трудностей, но в целом было позитивным, целенаправленным и результативным. Главной особенностью сотрудничества в области обмена сведениями о противнике являлось то, что сведения о Германии и ее вооруженных силах добывали разведывательные службы СССР, США и Великобритании, которые в связи со спецификой своей деятельности не имели права вступать во взаимодействие друг с другом. Более того, в предвоенные годы эти разведывательные службы занимались сбором сведений о вооруженных силах государств, интересы которых им пришлось защищать в ходе Второй мировой войны.

Решением Верховного главнокомандующего Вооруженных сил Советского Союза И. В. Сталина приоритет в области обмена разведывательными сведениями о противнике осуществлялся в основном через Управление специальных заданий Генерального штаба, деятельностью которого руководил генерал Н. В. Славин¹⁴⁹.

Впервые вопрос об организации обмена сведениями о Германии инициировал британский посол С. Криппс. 18 июля 1941 г. он направил заместителю наркома иностранных дел СССР послание, в котором просил передать в распоряжение англичан всю корреспонденцию германских граждан, проходящую через СССР¹⁵⁰.

В свою очередь, руководство НКВД СССР предложило Генеральному штабу с участием НКВД подготовить перечень вопросов, на которые было бы «желательно получить информацию от англичан»¹⁵¹. Такой перечень был подготовлен и передан в английское посольство. В нем, в частности, отмечалось, что хотелось бы получить сведения о «количестве, дислокации и нумерации крупных соединений германских войск, находящихся собственно в Германии, Франции, Бельгии, Голландии, Дании, Норвегии, Италии, Болгарии, на Балканском полуострове, а также в глубине западной Польши, в Словакии, Венгрии и Румынии»¹⁵². Был также проявлен интерес к сведениям о том, где дислоцируются новые формирования для германской армии, какие перевозки германских войск и вооружения отмечаются в направлении восточного фронта и в Финляндию, кто возглавляет армейские группировки на восточном фронте, какие изменения происходят в высшем командном составе, где находятся главная ставка командования вооруженных сил Германии и ставка А. Гитлера¹⁵³.

Так начиналось сотрудничество между СССР и Великобританией в области обмена разведывательными сведениями о фашистской Германии. В 1942–1943 гг. англичане передавали советскому командованию некоторые сведения о фашистской Германии, ее вооруженных силах и новой боевой технике. Обмен разведывательными сведениями о противнике и его планах между СССР и Великобританией осуществлялся в основном через Управление специальных заданий Генерального штаба. Используя сведения, полученные советской военной разведкой, И. В. Сталин через советского посла в Лондоне И. М. Майского информировал У. Черчилля о том, что Германия планирует применить на восточном фронте боевые отравляющие вещества. Благодаря своевременному обмену этими сведениями планы А. Гитлера по применению химических отравляющих веществ были сорваны.

С советской стороны инициатором обмена разведывательными сведениями между штабами советской и британской армий был глава советской военной миссии в Лондоне контр-адмирал Н. М. Харламов. Он налаживал взаимодействие с руководством британской военной разведки, начальниками основных департаментов военного ведомства, руководителями министерства экономической войны, другими британскими государственными учреждениями, располагавшими сведениями о фашистской Германии.

Контр-адмирал Н. М. Харламов хорошо понимал, что обмен разведсведениями о противнике между СССР и Великобританией может осуществляться только на условиях

взаимности. Ему часто приходилось преодолевать сопротивление не только высоких должностных лиц в Лондоне, ответственных за советско-британское военное сотрудничество, но и в Москве, тем не менее он практически ежемесячно докладывал «изменения в боевом составе, дислокации и организации войск немецкой армии за прошедший месяц по данным военного министерства Великобритании».

В 1944 г. Н. М. Харламов был отозван в Москву, а советскую военную миссию в Лондоне до окончания Великой Отечественной войны возглавил генерал А. Ф. Васильев, который продолжал выполнять задачи в области обмена сведениями о противнике с британским командованием.

В Москве сведения советской разведки о германской армии получал глава британской военной миссии генерал Ж. Мартель (с февраля 1944 г. — генерал М. Берроуз). В начале мая 1943 г. он сообщил в советский генеральный штаб информацию о подготовке немецким командованием нового наступления в районе Курской дуги¹⁵⁴. Генерал М. Берроуз также часто делал запросы о сведениях разведывательного характера о Германии в Генеральный штаб Красной армии.

11 мая 1944 г. генерал Н. В. Славин сообщал начальнику ГРУ генералу И. И. Ильичеву о том, что глава британской военной миссии генерал М. Берроуз обратился к нему с письмом, в котором сообщал: «Начальник Главного управления военной разведки военного министерства Великобритании 25 апреля принял господина контр-адмирала Харламова и господина генерала Васильева и ознакомил их с мнением британского Генерального штаба по следующим вопросам:

1. Категории немецких дивизий на Западе и их боеспособность. Меры, принятые Германией по снабжению Венгрии и Румынии, и ее дальнейшие намерения.

2. Мнение Великобритании о способностях Румынии и Венгрии оказывать сопротивление.

3. Формирование новых германских дивизий и дивизий ее сателлитов, а также будущие возможности.

4. Укрепления, сооруженные Германией на восточном фронте, в частности на границах с Венгрией и Румынией»¹⁵⁵.

Глава британской военной миссии в СССР получил подробные ответы на все вопросы, которые интересовали начальника главного управления военной разведки военного министерства Великобритании.

Обмен разведывательными сведениями о противнике носил, как правило, эпизодический характер и осуществлялся с учетом многих достаточно серьезных ограничений. Представители генштабов двух стран передавали друг другу сведения, как правило, в тех случаях, когда поступали личные письменные или устные просьбы представителей военных миссий двух стран. Оценивая сотрудничество советских и британских разведывательных служб в годы Великой Отечественной войны, можно сказать, что в целом оно было полезным, но ограничивалось строгими требованиями, изложенными в секретных инструкциях специальных служб СССР и Великобритании.

В 1943–1944 гг. активную роль в развитии сотрудничества с британскими и американскими военными штабами в области обмена разведывательными сведениями о противнике играли советские военные миссии при штабах командующих объединенными силами союзников на южном и западном театрах военных действий в Европе. Советскую военную миссию при штабе командующего средиземноморскими экспедиционными союзными войсками в 1944 г. возглавил генерал А. П. Кисленко. Главой советской военной миссии во Франции при штабах союзных войск в ноябре 1944 г. стал генерал артиллерии И. А. Сулопаров. Он поддерживал связь Ставки ВГК со штабом командующего американскими войсками в Европе генералом Д. Эйзенхауэром и принимал участие в предварительном подписании Акта о капитуляции германских вооруженных сил в Реймсе 7 мая 1945 г.

Руководители советских военных миссий, находясь при штабах союзников, часто выполняли просьбы американских, британских, французских и югославских генералов, передавая

им разведывательные сведения о Германии, Италии, Венгрии и Японии и их вооруженных силах, которые получали через Управление специальных заданий Генштаба Красной армии.

Менее продуктивно осуществлялось взаимодействие в области обмена сведениями о противнике между генеральными штабами армий СССР и США. В 1941 г. американское командование с интересом отнеслось к обмену сведениями о Германии. Однако военные представители США сразу же потребовали, чтобы в Москве американскому военному атташе было предоставлено право дважды в неделю посещать советский Генеральный штаб, где он мог бы работать с секретными документами, в которых отражались советские оценки положения на советско-германском фронте. В Москве требование американцев было отвергнуто. Советская сторона готова была передавать американцам сведения о германской армии, но выступала против предоставления им оперативных документов советского Генерального штаба.

Вопрос обмена сведениями о противнике между штабами вооруженных сил СССР и США вновь возник только в конце 1943 г., когда американцы завершали планирование операции «Оверлорд». Командование вооруженных сил США было крайне заинтересовано в получении дополнительных разведывательных сведений о Германии и ее вооруженных силах. Помощник американского военного атташе при союзных правительствах обратился с письмом к советскому военному атташе генералу И. А. Склярору с просьбой уточнить, не перебрасывали ли японцы 52, 53 и 54-ю дивизии в Маньчжурию. Однако из Москвы пришел ответ: «...с американцами и англичанами мы ведем обмен информацией по немецкой армии. По японской армии обмена сведениями не происходит»¹⁵⁶.

24 декабря 1943 г. в Москву прибыла группа американских специалистов в области разведки, которую возглавлял директор Управления стратегических служб (УСС) генерал У. Донован. Цель визита — активизация обмена разведывательными сведениями о Германии и Японии. В ходе переговоров с наркомом иностранных дел СССР В. М. Молотовым и представителями внешней разведки НКГБ была достигнута договоренность о сотрудничестве разведок СССР и США¹⁵⁷. По итогам переговоров У. Донована в Москве 4 февраля во все подразделения Управления стратегических служб была направлена инструкция «Развединформация, которую следует передавать СССР». В этой инструкции указывалось, что России может быть «передана оригинальная разведывательная информация УСС, которая полезна стране, ведущей войну против Германии»¹⁵⁸.

В Москве и Вашингтоне стали готовиться к официальному обмену представителями разведывательных служб, однако это сотрудничество было свернуто, так и не успев обрести какие-либо конкретные формы. Против сотрудничества УСС с советской разведкой выступили шеф американского Федерального бюро расследований Э. Гувер и некоторые другие влиятельные американские политики. Президент Ф. Рузвельт направил в Москву своему послу У. Гарриману телеграмму, в которой сообщил о том, что обмен между США и СССР представителями разведывательных служб откладывается на неопределенное время.

В течение апреля — мая 1944 г. глава американской военной миссии в Москве генерал Дж. Дин передал руководителям Управления внешней разведки НКГБ информационные материалы о Германии общим объемом более двух тысяч листов, в основном это был справочный материал. Незначительная часть переданных материалов (87 листов) приходилась на разведывательные сводки по отдельным вопросам¹⁵⁹. Американская разведка, без сомнения, владела значительным объемом достоверной информации о Германии и ее вооруженных силах, но такие сведения американцы советским представителям не передавали.

Обмен сведениями о противнике с военными представителями других стран антигитлеровской коалиции (Чехословакия, Польша, Бельгия, Франция и другие) осуществлялся более продуктивно. В Лондоне организацией взаимодействия в информационной области с представителями военных органов союзников занимались советские военные атташе генерал И. А. Склярор и полковник А. Ф. Сизов.

В 1942 г. А. Ф. Сизов проделал значительную работу по расширению своих полезных связей среди военных дипломатов представительств стран антигитлеровской коалиции в

Лондоне, территории которых были оккупированы немецкими войсками. Он установил хорошие отношения с помощником военного атташе Чехословакии подполковником Л. Свободой, польским подполковником С. Гано, начальником чехословацкой военной разведки полковником Ф. Моравецем, начальниками разведывательных служб Бельгии, Голландии, Норвегии, Франции и Югославии, которые находились в британской столице. Сотрудничество в области обмена сведениями о противнике осуществлялось на бескорыстной основе, было оперативным, результативным и качественным.

В состав аппарата военного атташе полковника А. Ф. Сизова входили инженер-капитан П. Турин, лейтенант П. Никонов, лейтенант административной службы Ю. Жемчужников. В 1944 г. полковник А. Ф. Сизов направил в Москву 425 донесений и значительное количество документальных материалов. Многие донесения полковника А. Ф. Сизова были использованы для подготовки специальных сообщений И. В. Сталину, В. М. Молотову и начальнику Генерального штаба А. М. Василевскому¹⁶⁰.

На завершающем этапе войны в сфере обмена сведениями о противнике между СССР, США и Великобританией возникли серьезные проблемы, что потребовало личного участия И. В. Сталина в их разрешении. Так, в марте 1945 г. И. В. Сталин был вынужден обратиться к президенту США Ф. Рузвельту, высказав мнение советского правительства о недопустимости без ведома СССР ведения американскими представителями переговоров с немецким генералом К. Вольфом относительно заключения соглашения о капитуляции германских войск в Италии англо-американским войскам. Ведение таких переговоров нарушало ранее подписанные советско-английские и советско-американские соглашения¹⁶¹. После обращения И. В. Сталина к Ф. Рузвельту в Москве и Вашингтоне было согласовано присутствие на этих переговорах представителя СССР, которым стал генерал А. П. Кисленко¹⁶², который в конце апреля 1945 г. в Казерте принял участие в церемонии подписания акта о капитуляции группировки германских войск, дислоцированных в Северной Италии.

В одном из своих посланий Ф. Рузвельту И. В. Сталин сообщил о том, что сотрудники военных миссий США и Великобритании передали в Генеральный штаб Красной армии достоверные сведения о переброске 6-й немецкой танковой армии СС на советско-германский фронт¹⁶³. «В феврале этого года, — писал 7 апреля 1944 г. И. В. Сталин, — генерал Маршалл дал ряд важных сообщений Генеральному штабу советских войск, где он на основании имеющихся у него данных предупредил русских, что в марте месяце будут два серьезных контрудара немцев на восточном фронте, из коих один будет направлен из Померании на Торн, а другой — из района Моравска-Острава на Лодзь. На деле, однако, оказалось, что главный удар немцев готовился и был осуществлен не в указанных выше районах, а совершенно в другом районе, а именно в районе озера Балатон, юго-западнее Будапешта»¹⁶⁴. Американская сторона попыталась опровергнуть утверждение И. В. Сталина, но сделать этого ей не удалось. Утверждения советского руководителя основывались на достоверных фактах, своевременно добытых разведкой Наркомата обороны СССР.

Советская военная дипломатия в 1941–1945 гг. вполне успешно выполняла свои основные функции — коммуникационную и информационную. Военные дипломаты обеспечивали ведение советскими представителями переговоров по военным, военно-политическим и военно-экономическим вопросам, содействовали заключению межгосударственных соглашений и договоров, принимали участие в расширении межгосударственных связей в военной области, организовывали обмен сведениями о противнике и тем самым своими усилиями, укрепляя антигитлеровскую коалицию, способствовали победному завершению Великой Отечественной войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Барышников Д. Н., Костюк Р. В., Ткаченко С. Л.* Эффективность дипломатии. СПб., 2009. С. 13.
- ² Дипломатическая служба помимо собственно функций внешнеполитического характера обеспечивала информационно-аналитическую, организационно-управленческую, кадровую работу. В ее задачи всегда входило протокольное, документационное, административно-техническое, финансово-экономическое обеспечение внешнеполитических структур государства. В ее задачи также входит обеспечение безопасности дипломатических структур и лично служащих (См.: Дипломатическая служба. М., 2002. С. 327).
- ³ ГКО просуществовал чуть больше четырех лет — с 30 июня 1941 г. до 4 сентября 1945 г.
- ⁴ Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 31.
- ⁵ Зачастую этот законодательный орган без дискуссий ратифицировал международные договоры и соглашения, которые были заключены представителями исполнительной власти, дипломатами по согласованию с партийным руководством от имени СССР. С 1938 г. Президиум Верховного Совета СССР был уполномочен производить ратификацию и денонсацию международных договоров, а также в необходимых случаях объявлять военное положение, не дожидаясь очередной сессии Верховного Совета СССР.
- ⁶ *Фишер В.* Европа: экономика, общество и государство. 1914—1980 гг. М., 1999. С. 283.
- ⁷ В Статье 126 Коммунистическая партия Советского Союза названа «руководящим ядром всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных» (См.: *Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И.* Очерк истории советской конституции. М., 1987. С. 310).
- ⁸ Эта задача была закреплена еще в 1923 г. на XII съезде РКП(б).
- ⁹ Государственная служба (комплексный подход). М., 2000. С. 90.
- ¹⁰ *Сталин И. В.* Сочинения. В 16-ти т. М., 1947. Т. 5. С. 225.
- ¹¹ *Барышников Д. Н., Костюк Р. В., Ткаченко С. Л.* Указ. соч. С. 14.
- ¹² Российская дипломатия: история и современность. М., 2001. С. 368.
- ¹³ Государственная служба (комплексный подход). С. 90.
- ¹⁴ С 1946 г. НКВД был преобразован в Министерство иностранных дел, а его руководитель В. М. Молотов до 1949 г. был министром иностранных дел.
- ¹⁵ *Морен Э.* О природе СССР: тоталитарный комплекс и новая империя / Пер. с фр. М., 1995. С. 142—143.
- ¹⁶ Российская дипломатия: история и современность. С. 43.
- ¹⁷ *Новиков Н. В.* Воспоминания дипломата. Записки 1938—1947 гг. М., 1989. С. 87—88.
- ¹⁸ Советская дипломатия в годы Великой Отечественной войны. Сб. статей. М., 2002. С. 37.
- ¹⁹ *Ерофеев В. И.* Дипломат: книга воспоминаний. М., 2005. С. 113.
- ²⁰ 30 июня 1941 г. В. М. Молотов после назначения заместителем председателя Государственного Комитета Обороны продолжил работать в Кремле.
- ²¹ Олег Трояновский: из когорты выдающихся дипломатов. Сб. статей. М., 2010. С. 112.
- ²² *Демидов С. В.* Международные отношения в Европе в 1919—1939 гг. М., 2001. С. 197.
- ²³ *Ерофеев В. И.* Указ. соч. С. 114.
- ²⁴ Там же. С. 120—123.
- ²⁵ *Громыко А. А.* Памятное. В 2-х кн. М., 1988. Кн. 2. С. 324.
- ²⁶ А. Я. Вышинский — выпускник юридического факультета Киевского университета (1913). В 1935—1939 гг., прокурор СССР. С 31 мая 1939 г. по август 1944 г. был заместителем председателя СНК СССР,

курировал культуру, науку, образование и репрессивные органы, сектор административно-судебных учреждений и НКВД (1939–1940), правовой отдел.

²⁷ Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002 гг. В 3-х т. Т. 2. 1917–2002 гг. М., 2002. С. 274.

²⁸ *Млечин Л. М.* Министры иностранных дел. Внутренняя политика России: от Ленина и Троцкого до Путина и Медведева. М., 2011. С. 129.

²⁹ *Ерофеев В. И.* Указ. соч. С. 113.

³⁰ Дипломаты вспоминают. Мир глазами ветеранов дипломатической службы. Т. 4. М., 1997. С. 7.

³¹ Коллегии не работали в 1934–1938 гг.

³² *Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 99.

³³ *Израэлян В. Л.* Дипломатия — моя жизнь. Из личного архива российского дипломата. Очерки. М., 2006. С. 78.

³⁴ Официальные дипломатические отношения между двумя странами сначала на уровне миссий, а затем с преобразованием в посольства были установлены только в июне 1942 г.

³⁵ Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002 гг. Т. 2. 1917–2002 гг. С. 274.

³⁶ Правовой отдел, Консульский отдел, Протокольный отдел, Отдел печати, Отдел диппочты, Отдел кадров, Политархив, Библиотека.

³⁷ Вализа (от фр. valise postale — почтовый мешок) — дипломатическая почта (сумка, пакет, конверт) дипкурьера, пользующегося неприкосновенностью.

³⁸ Советская дипломатия в годы Великой Отечественной войны. Сб. статей. С. 37–38.

³⁹ АВП РФ. Ф. 048. Оп. 33. П. 10. Д. 10. Л. 146.

⁴⁰ Там же. Ф. 04. Оп. 59. П. 437. Д. 57714. Л. 33.

⁴¹ В 1943 г. первая партия архивных документов, а в феврале 1944 г. — последние были возвращены в Москву.

⁴² *Новиков Н. В.* Указ. соч. С. 104.

⁴³ Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002 гг. Т. 2. 1917–2002 гг. С. 294.

⁴⁴ *Панюшкин А. Г.* Записки посла. М., 1981. С. 256–263.

⁴⁵ Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002 гг. Т. 2. 1917–2002 гг. С. 301.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. С. 302.

⁴⁸ Дипломатическая служба. С. 34.

⁴⁹ Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002 гг. Т. 2. 1917–2002 гг. С. 241.

⁵⁰ *Млечин Л. М.* Указ. соч. С. 214.

⁵¹ *Ерофеев В. И.* Указ. соч. С. 113.

⁵² Об ошибках в работе посла парторг посольства мог сообщать в партийную организацию наркомата.

⁵³ *Чуев Ф.* Указ. соч. С. 178.

⁵⁴ Там же. С. 98.

⁵⁵ *Израэлян В. Л.* Указ. соч. С. 78.

⁵⁶ *Бережков В. М.* Годы дипломатической службы. М., 1972. С. 88–94.

⁵⁷ АВП РФ. Ф. 082. Оп. 24. П. 116. Д. 92. Л. 34–37, 107–115; СССР и германский вопрос. 1941–1949 гг. Т. 1. М., 1996. С. 641.

⁵⁸ *Петров Н. В., Скоркин К. В.* Кто руководил НКВД. 1934–1941 гг. Справочник. М., 1999. С. 167–168.

⁵⁹ За время отпуска сотрудник проходил проверку НКВД.

⁶⁰ *Чуев Ф.* Указ. соч. С. 105.

⁶¹ Риббентроп имел в кругах немецкой элиты репутацию посредственности, усердно поддерживавшей взгляды Гитлера на политику в отношении Великобритании (См.: *Дирксен фон Г.* Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политики / Пер. с нем. М., 2001. С. 160; *Ханфштангель Э.* Мой друг Адольф, мой враг Гитлер / Пер. с англ. Екатеринбург, 2006. С. 278–279).

⁶² В 1989 г. Съезд народных депутатов СССР принял специальное постановление, где признал секретные договоренности с Германией «юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания».

⁶³ *Млечин Л. М.* Указ. соч. С. 231.

- ⁶⁴ Записи бесед опубликованы: Документы внешней политики СССР. В 24-х т. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. С. 36–47, 63–78.
- ⁶⁵ Громыко А. А. Указ. соч. Кн. 1. С. 77.
- ⁶⁶ Чуев Ф. Указ. соч. С. 68–69.
- ⁶⁷ Дипломатический словарь. В 3-х т. Т. 1. М., 1971. С. 162.
- ⁶⁸ Кондрашов В. Собирайте факты // Родина. № 6. 2011. С. 2.
- ⁶⁹ ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 22424. Д. 4. Л. 537.
- ⁷⁰ Лурье В. М., Кочик В. Я. ГРУ: дела и люди. СПб., М., 2003. С. 531.
- ⁷¹ Кондрашов В. Указ. соч. С. 5.
- ⁷² ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 24119. Д. 4. Л. 210.
- ⁷³ Там же. Л. 213–214.
- ⁷⁴ Лота В. И. Секретный фронт Генерального штаба. М., 2005. С. 45.
- ⁷⁵ Военно-исторический журнал. 1990. № 5. С. 57.
- ⁷⁶ Там же. С. 56.
- ⁷⁷ Лота В. И. Секретный фронт Генерального штаба. С. 43.
- ⁷⁸ ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 7272. Д. 1. Л. 693–793.
- ⁷⁹ Лота В. И. ГРУ: испытание войной. М., 2010. С. 58.
- ⁸⁰ ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 7272. Д. 1. Л. 140–152.
- ⁸¹ Безыменский Л. А. Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2000. С. 100.
- ⁸² Российское военное обозрение. 2008. № 7. С. 42.
- ⁸³ Бабаянц Ю. А., Богомолова А. О., Бойко В. И. и др. Военная разведка России. 200 лет. М., 2012. С. 454.
- ⁸⁴ ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 24119. Д. 3. Л. 492–493.
- ⁸⁵ Кузнецов Н. Г. Накануне. М., 1980. С. 370.
- ⁸⁶ Харламов Н. Г. Трудная миссия. М., 1983. С. 23.
- ⁸⁷ Лота В. И. ГРУ: испытание войной. С. 123.
- ⁸⁸ Дипломатический словарь. Т. 3. М., 1973. С. 240.
- ⁸⁹ Лота В. И. ГРУ: испытание войной. С. 132.
- ⁹⁰ Новая и новейшая история. 1969. № 3–4.
- ⁹¹ Харламов Н. М. Указ. соч. С. 31.
- ⁹² Бережков В. М. Страницы дипломатической истории. М., 1987. С. 100.
- ⁹³ Там же. С. 93.
- ⁹⁴ Лота В. И. ГРУ: испытание войной. С. 136.
- ⁹⁵ Бережков В. М. Страницы дипломатической истории. С. 101.
- ⁹⁶ Дипломатический словарь. Т. 3. С. 240–241.
- ⁹⁷ Там же. С. 233.
- ⁹⁸ Харламов Н. М. Указ. соч. С. 213–214.
- ⁹⁹ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 2. Происхождение и начало войны. М., 2012. С. 860.
- ¹⁰⁰ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сб. документов. М., 1978–1980. Т. 2, 4, 6.
- ¹⁰¹ Лота В. И. Без права на ошибку. М., 2005. С. 352.
- ¹⁰² Родина. 2014. № 1. С. 136.
- ¹⁰³ Там же. С. 137.
- ¹⁰⁴ Лота В. И. Без права на ошибку. С. 363.
- ¹⁰⁵ Родина. 2014. № 1. С. 141.
- ¹⁰⁶ Лота В. И. ГРУ: испытание войной. С. 402–403.
- ¹⁰⁷ Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. Сб. документов. М., 1979.
- ¹⁰⁸ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 2. Происхождение и начало войны. С. 865.
- ¹⁰⁹ Лота В. И. Сорвать «Эдельвейс». Советская военная разведка в битве за Кавказ (1942–1943). М., 2010. С. 481.

- ¹¹⁰ *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 3. Военный союз / Пер. с англ. М., 1995. С. 244.
- ¹¹¹ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. М., 1958. Т. 1. С. 17.
- ¹¹² Там же. С. 20.
- ¹¹³ *Харламов Н. М.* Указ. соч. С. 167–168.
- ¹¹⁴ *Хужоков В.* Адмирал Н. М. Харламов: военно-дипломатическая деятельность в Великобритании (1941–1944) // Военно-промышленный курьер. 3 декабря 2008 г. № 47.
- ¹¹⁵ *Дин Дж.* Странный союз / Пер. с англ. М., 2005. С. 99–115.
- ¹¹⁶ *Попов И.* Взаимоотношения между военными командованиями союзников в годы Второй мировой войны. Документальная справка. <http://www.milresource.ru/Spravka-2.html>.
- ¹¹⁷ ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 14753. Д. 2. Л. 318–324.
- ¹¹⁸ Там же. Л. 319.
- ¹¹⁹ Там же.
- ¹²⁰ *Сергиенко А. М.* АГОН — авиационная группа особого назначения. М., 1999. С. 35.
- ¹²¹ *Лота В. И.* Информаторы Сталина. М., 2009. С. 265–266.
- ¹²² ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 11246. Д. 3. Л. 20–21. Помета: «Должено Сталину, Молотову, Маленкову, Берии, Микояну, Булганину, Антонову, Димитрову».
- ¹²³ ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 11246. Д. 3. Л. 37–37 об.
- ¹²⁴ *Лота В. И.* Информаторы Сталина. С. 284.
- ¹²⁵ Там же. С. 300.
- ¹²⁶ *Лота В. И.* Бури над Скандинавским плацдармом // Красная звезда. 1, 3 ноября 2005 г.
- ¹²⁷ *Димитров Георгий Михайлович* (1882–1949), видный деятель болгарского и коммунистического движения, в 1933 г. был арестован в Берлине по провокационному обвинению в поджоге Рейхстага. В 1934–1945 гг. находился в СССР. С 1946 г. — председатель Совета министров Народной Республики Болгария.
- ¹²⁸ *Лота В. И.* Информаторы Сталина. С. 315.
- ¹²⁹ *Попов Е. В.* «Венгерская рапсодия» ГРУ. М., 2010. С. 212.
- ¹³⁰ Там же. С. 217.
- ¹³¹ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 5. Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией. М., 2013. С. 163.
- ¹³² *Студентский И.* Тайная миссия в словацкое восстание. М., 1999.
- ¹³³ *Лота В. И.* Последний бой майора Фомина // Российское военное обозрение. 2007. № 9. С. 55–60.
- ¹³⁴ *Колос И. А.* По заданию Центра. Записки разведчика. М., 1989.
- ¹³⁵ Вопросы истории КПСС. 1984. № 9. С. 15–17.
- ¹³⁶ *Трго Ф., Ленкович М.* Исторические решения Тито. Белград, 1980. С. 221.
- ¹³⁷ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 301. Л. 110.
- ¹³⁸ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 8. М., 1974. С. 255.
- ¹³⁹ *Лота В. И.* Информаторы Сталина. С. 138.
- ¹⁴⁰ ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 14753. Д. 2. Л. 315.
- ¹⁴¹ *Попов И.* Взаимоотношения между военными командованиями союзников в годы Второй мировой войны. Документальная справка. <http://www.milresource.ru/Spravka-2.html>.
- ¹⁴² *Харламов Н. М.* Указ. соч. С. 192.
- ¹⁴³ *Дин Дж.* Указ. соч. С. 186.
- ¹⁴⁴ *Корабельников В., Симонов В., Бойко В. и др.* Победа на Дальнем Востоке и военная разведка. М., 2007. С. 28.
- ¹⁴⁵ *Александров А.* Великая победа на Дальнем Востоке. М., 2004. С. 118–119.
- ¹⁴⁶ *Лота В. И.* ГРУ и атомная бомба. М., 2002. С. 276–277.
- ¹⁴⁷ Военно-исторический журнал. 2008. № 8. С. 70–71.
- ¹⁴⁸ Советско-английское соглашение о совместных действиях правительства СССР и правительства Великобритании в войне против Германии от 12 июля 1941 г.; Советско-американское соглашение от 11 апреля 1942 г. о принципах, применяемых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии (См. Дипломатический словарь. Т. 3. С. 240).

- ¹⁴⁹ Красная звезда. 2008. № 29. С. 20–26.
- ¹⁵⁰ Лота В. И. Секретный фронт Генерального штаба. С. 266–267.
- ¹⁵¹ ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 6564. Д. 2. Л. 16.
- ¹⁵² Там же Л. 20–23.
- ¹⁵³ Там же.
- ¹⁵⁴ Новая и новейшая история. 2004. № 2. С. 74.
- ¹⁵⁵ Российское военное обозрение. 2009. № 6. С. 50.
- ¹⁵⁶ ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 24184. Д. 4. Л. 882.
- ¹⁵⁷ Очерки истории российской внешней разведки. В 5-ти т. Т. 4. М., 1999. С. 400.
- ¹⁵⁸ Там же. С. 401.
- ¹⁵⁹ *Dean John R.* The Strange Alliance. The Story Of Our Efforts at Cooperation with Russia. London, 1947. P. 55.
- ¹⁶⁰ Лота В. И. ГРУ: испытание войной. С. 424.
- ¹⁶¹ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 196.
- ¹⁶² Лурье В. М., Кочик В. Я. Указ. соч. С. 403.
- ¹⁶³ Лота В. И. Информаторы Сталина. С. 261.
- ¹⁶⁴ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 207.